

Софи Касенс

Через год в это же время

Эта книга —
абсолютное
наслаждение...

*San Francisco
Book Review*

Для поклонников романов
Джоджо Мойес и Сесилии Ахерн!

Софи Касенс

Через год в это же время

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Касенс С.

Через год в это же время / С. Касенс — «Азбука-Аттикус», 2020

ISBN 978-5-389-20627-4

Они появились на свет 1 января 1990 года в одной и той же больнице Лондона, но Квинн родился на несколько минут раньше, был назван первым ребенком года и получил имя, которое мать Минни хотела дать своей дочери. Вот потому Минни Купер ненавидит свой день рождения и Квинна Хэмилтона, который, как она считает, украл ее имя, а вместе с ним и удачу. Впервые они неожиданно встретились через тридцать лет на новогодней вечеринке. И хотя Квинн и Минни обитают в разных мирах, судьба постоянно сводит их вместе. И каждый раз, расставаясь, они мечтают о новой встрече... «Через год в это же время» – трогательная и радостная история любви, рассказ о том, что порой судьба закручивает невероятные виражи на пути к счастью. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20627-4

© Касенс С., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Канун Нового, 2020 года	6
Первый день 2020 года	13
Канун Нового, 1990 года	16
Первый день 1990 года	21
Первый день 2020 года	23
Первое января 2020 года	26
Канун Нового, 2016 года	32
Второе января 2020 года	37
Канун Нового, 2016 года	44
Второе января 2020 года	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Софи Касенс

Через год в это же время

© Т. В. Голубева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

© Издательство Иностранка

* * *

*Посвящается дорогой тете Эм, которая читала это с
удовольствием*

Канун Нового, 2020 года

Найт джем» был набит битком. Пульсировала грохочущая музыка, стены казались липкими от пота, алкоголя и кое-чего похуже. Минни крепко держалась за руку Грега, когда они пробивались сквозь толпу.

– Нам ни за что не добраться до бара! – крикнул ей Грег.

– Что? – закричала в ответ Минни, оглушенная тяжелым басом.

– Нам не добыть выпивки до полуночи! Я даже не представляю, где тут компания Люси!

Грег показал вверх, давая понять, что они должны попробовать добраться до террасы в бельэтаже. Минни посмотрела на свои часы: до полуночи оставалось десять минут. До сих пор весь вечер лишь усиливал ее ненависть к кануну Нового года. Почему она не осталась дома и не легла спать пораньше? Потом она вспомнила, что у нее отключено отопление и ей просто пришлось выйти, чтобы согреться. А Грег был полон решимости отправиться на вечеринку своих друзей по работе; и она, пожалуй, сочла бы себя плохой подругой, если бы заставила его пойти туда одного.

Минни позволила протащить себя через толпу дергающихся тел. Наконец они вырвались из толкучки, вышли на ночную прохладу, где грохочущая музыка уже звучала с более или менее приемлемыми децибелами.

– Осторожнее! – воскликнул Грег, отталкивая какого-то пьяного парня.

При этом Грег посмотрел на него так, словно пытался взглядом объяснить, что лучше бы тот проливал пиво на кого-нибудь другого, однако парень был слишком пьян, чтобы обратить на это внимание.

– Я тебя предупреждала, что не стоит встречать Новый год со мной, – сказала Минни.

– Может, прекратишь ныть? – ответил Грег, качая головой.

– Честно, я не шучу. Со мной на Новый год вечно что-нибудь случается. Я бы не удивилась, если бы все это здание загорелось еще задолго до утра. Или, может быть, какой-нибудь совсем маленький астероид упал бы прямо туда, где я стою.

– Не думаю, что ночь будет дурной из-за твоего дурацкого проклятия. Мне кажется, вечер уже так себе из-за того, что ты затащила нас на обед в этот жуткий дом Алана на другом конце Галактики. А теперь мы являемся на вечеринку за две секунды до полуночи, когда все уже на другой стороне Луны, и... Эй, это не приказ на взлет? – Грег поднес к уху палец и остановился, делая вид, что прислушивается к сообщению. – Черт, центр управления говорит, что мы вообще не на ту вечеринку попали.

– Дают разрешение на отмену миссии? – с надеждой спросила Минни.

– Отклонено.

Минни и Грег встречались уже пять месяцев. Они познакомились на марше протеста у Сити-холла. Демонстранты заявляли о нехватке доступного жилья в Лондоне. Грег был журналистом, освещавшим событие, а Минни пришла поддержать миссис Мелвин, леди, которой она доставляла продукты с тех пор, как начала свое дело. Минни и ее подруга Лейла нарисовали плакат с надписью «КРЫША НАД ГОЛОВОЙ – ПРАВО ЧЕЛОВЕКА», но перестарались с краской для первой буквы, так что она больше походила на «М» и слилась со второй, и в результате вышло нечто вроде «мышья». Во время демонстрации Минни, Лейла и миссис Мелвин оказались рядом с группой людей, нарядившихся котами с моноклями и в цилиндрах. На одном была футболка с надписью «СКАЖЕМ НЕТ ТОЛСТЫМ КОТАМ!». Грег очутился рядом, чтобы сфотографировать плакат Минни с котами на заднем плане. И, делая снимок, он со смехом качал головой.

– Эй, ты чего смеешься? – сердито крикнула ему Минни.

– Может, коты толстые, потому что мышей слишком много? – ответил Грег, показывая на их плакат.

Лейла глянула на надпись и тоже засмеялась. Минни сделала большие глаза.

– Здесь не о мышах речь, – возразила она, подбочениваясь.

– Но похоже на то, Минни, – сказала Лейла.

– Минни Мышка, этот снимок будет на первой странице! – хитро усмехнулся Грег.

– Даже и не думай! – возмутилась Минни, с трудом сдерживая смех.

Она погналась за Грегом, пытаясь стукнуть его плакатом. Минни нравились люди, которым удавалось ее рассмешить. Ее мгновенно привлекли саркастические манеры Грега и его худое лицо. Он носил аккуратно подстриженную каштановую бородку и очки в темной оправе. Когда они начали встречаться, Минни узнала, что Грег не только ради работы любил придумывать заголовки. Он сочинял их для всего, что она делала. Когда Минни спотыкалась, он тут же мог сказать: «Красавица спотыкается на ступеньках – ступенькам необходим юридический совет. Есть шанс, что их понизят!» Или, когда она брала последний банан из его вазы с фруктами, он гнусавил на американский манер: «Убийство фруктовой вазы остается нераскрытым... Виновны ли бананы? Или лайм? Или это просто дело кислого винограда?»

Грег обожал играть словами. Но этим вечером он не шутил.

– Знаешь, подожди-ка здесь, – со вздохом произнес он, окидывая взглядом террасу. – Пройдусь, попробую их найти.

– Ладно, хорошо, если только астероид не упадет в твоё отсутствие. Так что я могу лишь попрощаться и поздравить тебя с Новым годом, – ответила Минни, стараясь придать своему голосу радостный тон.

Когда Грег ушел, Минни повернулась, чтобы посмотреть на Лондон, и вздрогнула. Город окружала атмосфера безмятежности, составлявшая резкий контраст с атмосферой клуба. Здания купались в серебристом лунном свете, ночное небо было спокойным, безоблачным. Минни захотелось перенестись на вершину какого-нибудь пустого небоскреба, лечь на плоскую крышу, и смотреть на звезды, и чтобы рядом никого не было...

– Десять, девять, восемь... – Толпа начала обратный отсчет. – Семь, шесть, пять...

Минни оглянулась на пары, замершие в предвкушении полуночного поцелуя. И порадовалась тому, что Грега нет рядом, чтобы поцеловать ее. Она никогда не понимала, почему конец года следует отмечать этой глупой условностью, когда все одновременно целуются. Люди вели себя как лемминги, следуя за стадом.

– Четыре, три, два, один... С НОВЫМ ГОДОМ!

В небо взлетели фейерверки, освещая город дождем многоцветных вспышек. Огромные взрывы энергии воспламенились в темноте, рождая миниатюрные вселенные лишь для того, чтобы те погибли мгновением позже. Минни гадала, стоило ли вообще прилагать такие усилия для столь мимолетного представления. Городские здания внизу выглядели спокойными и величавыми, их ничуть не трогала лихорадочная суeta над ними. На террасе клуба фейерверки отбрасывали уродливые тени на лица пьяных людей, неуверенно бродивших в толпе. Свет проник в грязные углы, где валялись сигаретные окурки и смятые пластиковые стаканчики. Несколько девушек, едва стоявших на высоких каблуках, толкнули Минни, и ей пришлось схватиться за перила, чтобы не упасть.

– С днем рождения меня, – тихо пробормотала Минни.

А потом она почувствовала теплую влагу на спине – одну из девушек вырвало прямо на нее.

К тому времени, когда вернулся Грег, на террасе стало гораздо меньше народа, а Минни, ожидая его, сидела на полу возле перил.

– Что это на тебе? Где твоя блузка? – спросил Грег.

Минни сняла ее, и спрятала в сумку, и теперь осталась только в сером топе с тонкими потрепанными бретельками.

– Кого-то стошнило прямо на меня, – пояснила она, обхватывая себя руками.

– Ох черт!.. Ну, в этом есть нечто порнографическое... – Грег поднес руку ко рту, как бы держа микрофон. – Прогноз погоды: на показе мод дамских бюстгалтеров штормит.

– Ну да, или это, или показ рвотных мод, – кивнула Минни, бессознательно подтягивая повыше топ.

Ей никогда бы и в голову не пришло появиться на публике в таком виде. Она чувствовала себя очень уязвимой.

– Так ты нашел своих друзей?

Грег кивнул. И повел ее снова через клуб, потом вверх по другой лестнице, затем через двустворчатую дверь, скрытую за красным бархатом, возле которой стояли двое лысых охранников.

– Я здесь был минуту назад, – сообщил им Грег. – Мы тут по случаю дня рождения.

Охранники жестом позволили им пройти, уставившись при этом на грудь Минни. Минни скрестила перед собой руки.

Вечеринка по другую сторону занавешенной бархатом двери была совсем не такой, как в зале, через который они только что проходили: музыка играла с нормальной громкостью, толпа выглядела прекрасно одетой и изысканной, официанты разносили шампанское, и никого ни на кого не тошнило. Внешняя полукруглая стена помещения, сплошное стекло от пола до потолка, давала обзор на сто восемьдесят градусов на город внизу.

Минни мгновенно перепугалась. Это была вечеринка для богатых, все – в вечерних туалетах. Минни явно не соответствовала этому месту. Когда-то она готовила для достаточно богатых людей и знала, как они реагируют на таких, как она, персон; они могли бы смотреть на нее сверху вниз или еще хуже – просто сквозь нее. Если бы она была правильно одета, то могла бы еще произвести недурное впечатление на кого-нибудь, кому в общем все равно, но ее жалкий топ вряд ли ей помог бы.

– Грег! Ты не сказал, что надо быть в вечернем платье! – прошипела она.

– Минни, это выдумка буржуазии. Я бы не надел вечерний костюм даже на собственные похороны! – Грег окинул взглядом комнату, потом помахал рукой высокой блондинке в красном платье в обтяжку. – Люси!

Девушка повернулась, улыбнулась и направилась к ним через толпу.

– Лучше поздно, чем никогда, привет! – Грег протянул ей руку. – Это Минни. Кого-то вырвало на ее блузку, когда мы шли сюда.

– Привет! – откликнулась Люси, и ее пухлые губы раскрылись в сочувственной улыбке над безупречными зубами. – Сожалею, что так вышло. Глупо, что они заставили вас бродить в толпе простонародья, чтобы добраться до ВИП-залов.

Минни встряхнула головой, оглядываясь вокруг, и пожала плечами:

– Неплохая вечеринка.

Интересно, сколько может стоять такой прием?

– У моего парня день рождения первого числа. Вот мы и подумали, что можем воспользоваться поводом и устроить заодно гулянку, проводить старый год. – Люси небрежно взмахнула рукой, потом посмотрела на Люси с сияющей улыбкой. – Эй, Минни, Грег вроде бы говорил, что ты тоже родилась первого января?

– Ох да, с днем рождения! – поспешно произнес Грег.

Люси повернулась к нему, широко раскрыв глаза:

– Грег, ты до сих пор ее не поздравил? Гони его прочь, Минни! – Люси засмеялась, тыча Грега в ребра.

Он покраснел и устоял в пол.

– Я не любитель дней рождения. – Минни криво улыбнулась.

Мгновение-другое они молчали.

– Ну в общем... Люси ведет в газете ресторанный колонку, – наконец сказал Грег. – А я стою в очереди на удачу. Я видел, ты на прошлой неделе была в «Ла петит асьет руж». Люси, я тебе чертовски завидую!

– Во всем есть отрицательные стороны, милый. Я становлюсь все толще и толще из-за обедов в ресторанах с пятью звездами Мишлена, ведь мне просто приходится постоянно что-то есть. И я себя чувствую как гусь, которого откармливают так, что он вот-вот лопнет, – заявила Люси.

Минни бросила взгляд на стройную, гибкую фигуру Люси, обтянутую платьем.

– Да уж, какие трудности, черт побери! – усмехнулся Грег, подталкивая ее локтем. – Умная, красивая девушка вынуждена есть изысканные блюда! Тут должны вмешаться борцы за права человека!

Люси откинула назад голову и тихо, слегка хрипло засмеялась, а потом схватила Грега за руку, словно боялась упасть.

– Минни, тебе, должно быть, с ним очень весело!

Минни кивнула, хотя и подумала, не начинают ли ее слегка раздражать слишком забавные заголовки Грега.

– Мин тоже имеет отношение к миру еды, – сообщил Грег, слегка выпрямляясь. – У нее собственный бизнес по поставке продуктов в благотворительной системе.

– О, это интересно! – воскликнула Люси, глядя через плечо Минни и маша рукой кому-то за ее спиной.

– Не думаю, что приготовление пирогов для стариков считается причастностью к «миру еды», но спасибо, что рекламируешь меня, – сказала Минни, поглаживая Грега по спине.

– А вы обслуживаете большие мероприятия? Может, мы где-то встречались? – спросила Люси, снова сосредоточиваясь на Минни.

– Нет, мы просто готовим пироги для пожилых людей. Компания называется «Ничего трудного», это что-то вроде кухни на колесах.

Люси несколько раз моргнула.

– Трудного в каком смысле? – спросила она.

– Ну... в смысле, что нетрудно разжевать, это... ну, предполагалось, что будет забавно.

– А, понимаю! Ха-ха! – Люси сморщила нос и снова бесшумно рассмеялась. – Да, должно быть, это... весьма соответствует обстоятельствам.

– Люс, ты умница! – громко фыркнул Грег и снова подтолкнул ее локтем. – Но, видишь ли, компания Минни могла бы стать куда успешнее, если бы перестала раздавать все почти бесплатно и нанимать разных проходимцев.

– Неправда, я этого не делаю! – возмутилась Минни.

– Вообще-то, это звучит здорово, – сказала Люси. – Мне старые люди кажутся такими милыми, а вам?

– Кое-кто из них милый, а кое-кто настоящие уроды, как и все мы, – заявила Минни.

Грег громко кашлянул – и Минни крепко хлопнула его по спине.

– Но ты собираешься расширить дело, ведь так, Мин? – произнес Грег, беря себя в руки, и обратился уже к Люси: – Сейчас это ее основное направление, но она может с легкостью расширяться, снабжать свадьбы, корпоративы, мероприятия высокого уровня и так далее. Может, Люси смогла бы помочь тебе с какими-то контрактами?

– Конечно-конечно, рада буду помочь, – кивнула Люси, снова маша рукой кому-то в другом конце зала и уже делая шаг в ту сторону. – Послушай, я должна пообщаться с другими. Вы тут чувствуйте себя как дома, не смущайтесь, попробуйте наше шампанское... Мы его зака-

зали, наверное, слишком много. И не тревожьтесь из-за того, что опоздали, вечеринка только начинается.

Люси склонила голову набок и одарила их обоих отработанной улыбкой, потом, взметнув длинные шелковистые волосы, повернулась, чтобы уйти. Минни наблюдала за тем, как Грег провожал взглядом Люси через комнату.

Один из официантов, заметив, что они стоят с пустыми руками, подошел к ним и предложил шампанского. Они взяли по бокалу и хотели чокнуться, но промахнулись, и бокал Грега ударился о запястье Минни. Он тут же отдернул руку и сделал большой глоток.

– С Новым годом, – сказала Минни.

– С Новым годом, – повторил Грег и после паузы добавил: – И... э-э-э... с днем рождения. Я... у меня для тебя подарок там, дома. Прости, не хватило времени его упаковать.

– Не беспокойся. Я же говорила, не нужно мне ничего дарить.

Грег потоптался на месте, его взгляд метался по комнате.

– С ней полезно иметь знакомство, с Люси Донохью. Я не зря тебя убеждал прийти сюда сегодня. Она знает всех, кто только занят в ее сфере. Минни, не стоит недооценивать того, как хороший контракт может повлиять на твою жизнь.

– Сомневаюсь, что она знакома хоть с кем-нибудь из тех, кто занимается пирогами, – ответила Минни, а затем, подражая аристократическому выговору, произнесла: – Если только это не кондитеры, делающие заварное тесто из фуа-гра, на маленькой, очень французской улочке. – Она высунула язык и засмеялась.

– Не понимаю, почему ты вечно так поступаешь, – сказал Грег. – Я просто стараюсь тебе помочь.

– Ты прав, извини.

Минни почувствовала себя виноватой. И ей не нужен был Грег, чтобы это заметить. Она и сама всегда понимала, что говорит гадко, когда ощущала себя незащищенной, и от этого ей становилось только хуже. Минни прикусила губу и принялась теревать свой кулон. Грег надулся, его челюсти сжались.

– Ладно, но твое появление не заставило все превратиться в тыквы ровно в полночь, или что там еще тебя беспокоило?

– Проклятие не разрушается в полночь, оно действует всю новогоднюю ночь и в первый день нового года. И я совсем не беспокоилась насчет превращения в тыкву... скорее, насчет всяких мелочей вроде того, что кого-то на тебя стошнит, или потери куртки в автобусе по дороге сюда. Мне просто не везет в такие дни.

– Ладно, а кто-то пролил пиво на мои ботинки, и я пропустил часть вечеринки моих друзей из-за того, что застрял в доме твоих эксцентричных приятелей. Может, я тоже проклят? – Грег закончил предложение с чрезмерно оживленной улыбкой, которая говорила: «Я шучу, так что не обижайся».

И тут его взгляд упал на грудь Минни.

– Что, этот топ на самом деле выглядит непристойным? – спросила она с содроганием.

– Ну, ты ведь знаешь, Мин, мне нравится это видеть, но, возможно, другие предпочли бы смотреть на что-нибудь другое, – кивнул Грег.

– Хорошо, пойду в туалет и попытаюсь спасти блузку.

По пути в туалет Минни проверила свой телефон. Пришло сообщение от Лейлы:

Просто хочу узнать, как дела. Велик ли ущерб? Нужно ли спасать тебя из ситуации заложницы/провала/чего-то похуже?

Минни улыбнулась и отправила ответ:

Все не настолько плохо. Только потеряла куртку и на меня кого-то

стошнило

Лейла была лучшей подругой Минни и ее деловым партнером. Они вместе создали «Ничего трудного» четыре года назад и постоянно вкладывали в дело деньги и силы. Если бы не Лейла, думала Минни, она вряд ли продержалась бы так долго. Им пришлось столкнуться со множеством препятствий, иногда казалось, легче просто бросить все и снова работать на кого-нибудь, там, где им платили бы в конце каждого месяца, вместо того чтобы с трудом сводить баланс и выкраивать для себя хоть что-то похожее на жалованье.

Пришло новое сообщение от Лейлы:

Вот удивительно – я потратила канун Нового года, готовя пироги, так что завтра нам не нужно работать. Я тебя приглашу куда-нибудь в честь твоего дня рождения. Тебе придется надеть платье.

Минни улыбнулась. Послала Лейле изображения платья и эмодзи «больное лицо».

Лейла в ответ прислала кучу эмодзи пирожков, а вслед за ними кучу эмодзи «больное лицо». Минни расхохоталась и ответила:

Ты лучше всех. Спасибо, Пирожок. Для тебя, и только для тебя, надену платье. xxx

Глядя в телефон, Минни налетела на официанта с подносом канапе. На нее посыпался дождь тартелеток с козым сыром.

– Ох, боже... простите! – воскликнула она, опускаясь на корточки, чтобы помочь официанту уничтожить результаты катастрофы.

– Сегодня определенно не моя ночь, – с несчастным видом произнес официант.

Ему от силы было семнадцать лет. Минни увидела, что его очки заляпаны мягким сыром. Она осторожно сняла их с носа юноши и вытерла своим топом, а потом вернула официанту со словами:

– Мне понятны ваши чувства.

Оказав официанту посильную помощь, Минни обошла бар и наконец отыскала туалеты в тускло освещенном коридоре. Заглянув в дамскую комнату, она увидела с полдюжины женщин, болтавших перед зеркалами и поправлявших косметику. Минни не хотелось отмывать рвоту с блузки у них на глазах. Она прошла дальше по коридору и увидела туалет для инвалидов с раковиной и сушилкой для рук... Это было идеально. Она вытащила из сумки черную шелковую блузку и начала полоскать ее под краном. К счастью, блузка была скорее просто липкой, не более, но запах желчи в смеси с запахом водки и кока-колы ударил в нос. Она даже вообразить не могла Люси Донохью в подобной ситуации.

Минни посмотрелась в зеркало, машинально заправляя волосы, но они тут же упрямо снова вылезли. Она хотела их укоротить совсем немного, но парикмахер срезал на дюйм больше, чем она просила. И теперь Минни просто не могла их подвязать или убрать с глаз. Она провела под глазами указательным пальцем, чтобы стереть слегка размазавшуюся краску, потом заново подкрасила губы помадой сливового оттенка, которую Лейла подарила ей заранее в честь дня рождения. Сама Минни никогда бы не выбрала такой дерзкий оттенок, но он подходил к цвету ее кожи, и Минни иной раз гадала, почему Лейла лучше ее самой знает, что ей к лицу.

Высушив блузку под сушилкой для рук, насколько было возможно, Минни надела ее. Мгновение-другое она стояла перед зеркалом, глядя на свое отражение во влажной, помятой, перекосившейся блузке. Это был самый красивый предмет одежды из тех, что имелись

у Минни: приталенная черная шелковая блузка с белыми фестончатыми манжетами. Дорогая вещь, которую Минни нашла в благотворительном магазине. И была так довольна, купив ее... А теперь казалось, что даже блузка понимала суть надувательства и сморщилась в знак протеста.

– Ладно, пошли, – решительно произнесла Минни, заставляя себя вернуться на вечеринку.

Она медленно выдохнула. Не следовало ей превращаться в отравителя удовольствия для других. Грег хотел прийти сюда, а она хотела быть с Грегом. Возможно, ее невезение уже иссякло, по крайней мере на эту новогоднюю ночь.

Минни подошла к двери, чтобы открыть ее, но, как только она нажала на ручку, та отвалилась. Минни толкнула дверь – дверь не открывалась. Она попыталась пристроить ручку на место, но ничего не вышло.

Она принялась колотить по двери кулаками:

– Эй! Помогите! Я не могу открыть дверь!

В это мгновение музыка снаружи стала громче. Похоже, заиграл живой оркестр, люди зашумели. Теперь никто не мог ее услышать. Оставалось лишь ждать, когда Грег отправится на ее поиски.

Минни села на пол и уставилась в потолок. Вся комната была оклеена темными синими обоями с крошечными серебряными созвездиями. Ладно, желание Минни исполнилось: она осталась одна и смотрела на звезды. Она достала телефон, чтобы отправить сообщение Грегу, но экран был черным.

– Ну конечно же, – вслух произнесла она, покачивая головой и грустно смеясь.

Если она и могла что-либо сказать об этом новогоднем проклятии, так это то, что у него явно имелось чувство юмора.

Первый день 2020 года

Минни проснулась, не понимая, где находится, пересохшее горло болело. Она помнила, что несколько часов колотила в дверь, но потом, видимо, просто заснула. Она не имела ни малейшего представления, который теперь час. Снаружи было тихо, музыка уже смолкла. Минни встала, потирая онемевшую шею.

– Эй, эй! Может кто-нибудь меня выпустить? – позвала она.

А что, если все разошлись по домам и клуб просто закрыли? Минни читала о таких случаях. Люди по нескольку дней оставались запертыми в туалетах, прежде чем их наконец спасали. Им приходилось пить воду из бачков, чтобы выжить, и сооружать одеяла из туалетной бумаги, чтобы не замерзнуть. Как долго ей придется просидеть взаперти, прежде чем она начнет есть мыло?

Минни снова заколотила в дверь, на этот раз более настойчиво:

– Помогите! Помогите!

– Эй? – откликнулся вдруг мужской голос.

– Ох, привет! Ох, слава богу! Ручка двери сломалась, я не могу выйти! – закричала Минни.

– И долго вы там сидите? – поинтересовался голос, гремя дверной ручкой по другую сторону.

– Да уж достаточно долго, – ответила Минни.

– Ладно, подождите. Пойду найду кого-нибудь, – сказал голос.

Минни услышала удаляющиеся шаги. Она просто поверить не могла в то, что Грег не отправился ее искать. Он что, просто уехал домой?

Через три-четыре минуты голос вернулся:

– Так, я здесь. И со мной Льюис. У него в руках тысяча ключей.

– Не знаю, как такое случилось, – заговорил другой голос, явно старше.

Минни услышала, как ключи по очереди зазвонили в замке.

– Так, дайте я попробую... – произнес первый голос.

Снова зазвонили ключи, а потом дверь распахнулась.

– Смотри-ка, вот этот ключ... Просто повезло.

Минни прищурилась от яркого света в коридоре. Голос принадлежал высокому, не менее шести футов ростом, широкоплечему мужчине со светлыми волосами и густыми бровями немного темнее волос на голове. Он улыбнулся Минни теплой простодушной улыбкой. Одет он был в строгие черные брюки и белую рубашку. Черный галстук-бабочка свободно болтался вокруг расстегнутого воротника, позволяя увидеть загорелую кожу. Рядом с ним стоял маленький пухлый лысый человек с невыразительным лицом.

– Который час? – спросила Минни, переводя взгляд с одного спасителя на другого.

– Семь сорок пять, – ответил мужчина с черным галстуком.

– Ну я пойду, – сказал невысокий, отбирая у него ключи, и медленным тяжелым шагом пошел по коридору, бормоча что-то себе под нос.

– Он у нас неразговорчивый, – сообщил мужчина с черным галстуком.

Минни пошла следом за ним к главному залу. Там было пусто. Со светильников свисали пружинки серпантина, на стойке бара выстроилась целая армия полупустых бокалов для шампанского.

– Что, я одна тут осталась? Поверить не могу, что проспала так долго!

– Простите, но, кажется, мы с вами не знакомы. – Мужчина протянул Минни руку для пожатия.

– Ох, ну да, я Минни. – (Мужчина улыбнулся, но смотрел так, словно ожидал продолжения.) – Знакомая Грегга. Он работает с Люси. Она нас пригласила.

– О, конечно, здесь всем рады. Думаю, я даже слышал, как Люси упоминала Грегга. Забавный Грег, да?

– Забавный Грег? – Люси вскинула брови; ее развеселило то, что Грегга могли так называть.

Мужчина поднял руки, потягиваясь, и тут же широко зевнул:

– Виноват, меня уже слегка достало... Но прекрасная была ночь.

– Не для меня, – хмуро откликнулась Минни.

– Да, не для вас.

Он демонстративно скривился, и Минни не удержалась от улыбки.

– Предполагаю, это, вообще-то, была ваша вечеринка, вы приятель Люси, да? Спасибо, что и меня позвали, – сказала Минни, убирая руки за спину.

– Я этому более чем рад. Да, теоретически это был мой вечер, но приглашала всех Люси.

В это время в его кармане зазвонил телефон. Достав его и посмотрев на экран, мужчина на мгновение нахмурился:

– Минни, извините, я на минутку, нужно ответить.

– Конечно, никаких проблем, – пожала она плечами.

Он отвернулся и отошел на несколько шагов.

– Привет, – заговорил он в трубку. – Все в порядке? Нет, я все еще... Приду попозже... Я тут проверял все, прежде чем уйти... Нет... Хорошо...

Минни видела его лицо в профиль. Разговаривая, он закрыл глаза.

– Отлично, я приду и проверю, просто дай мне немножко времени, *пожалуйста*.

Минни наблюдала за тем, как он выключает телефон. Мужчина заметил ее внимание и напряженно улыбнулся.

– Все в порядке? – спросила она.

– Да, извините. – Он встряхнул головой и прошел через комнату к огромной стеклянной стене.

– И как же вы остались тут в одиночестве? – поинтересовалась Минни.

Он повернулся и мгновение-другое всматривался в Минни, как бы оценивая ее.

– Наверное, это прозвучит глупо, но я всегда стараюсь увидеть первый рассвет года. И я подумал, что если уйду с остальными, то окажусь где-нибудь в такси и пропущу его. – Он протянул руку к окнам. – Есть ли место лучше этого, чтобы увидеть первый восход солнца в Новом году?

– Множество таких мест, – ответила Минни. – Пустыня, вершина прекрасной горы, экран телевизора, когда лежишь в постели. В идеале лучше видеть его в записи, чтобы не пришлось вставать так рано.

Мужчина наклонил голову набок, его глаза весело прищурились, напряженный взгляд исчез.

– Ну, сейчас вы не спите, так что запись не потребуется. Идите сюда, вот сюда.

Минни подошла к окну и прижала к стеклу ладонь. Над горизонтом уже начинал разгораться свет. Высокие облака заиграли темно-розовыми красками, создавая ауру тепла над холодным, серым городом. Силуэты небоскребов вырисовывались на небе, их четкие прямые линии составляли резкий контраст с мягкостью облаков над ними.

– Впечатляюще! – кивнула Минни. – Я и вспомнить не могу, когда в последний раз просыпалась до рассвета.

– Это мой любимый день в году, – сообщил мужчина. – Шанс начать все заново, вам так не кажется?

– Забавно, но для меня этот день самый нелюбимый, – ответила Минни. – Я его ненавижу!

– Вы не можете его ненавидеть, это мой день рождения! Я не позволю вам ненавидеть его, – заявил мужчина, и его усталые серовато-голубые глаза на время ожили и заиграли энергией.

Минни повернулась и посмотрела на него, потом медленно моргнула:

– У меня тоже сегодня день рождения.

– Не может быть!

– Я не шучу. Клянусь, это так!

Он прищурился, глядя на нее, слегка опустил голову с видом сомнения. Потом опять посмотрел в окно, как раз в то мгновение, когда все небо вспыхнуло красным.

– Видите? – сказал он. – Великолепно!

Минни покосилась на него, а он все смотрел на утреннее небо. Минни не смогла бы точно определить, в чем тут дело, но на лице мужчины отражалось нечто... нечто вроде успешности. Он явно прекрасно чувствовал себя на своем месте, а Минни редко доводилось испытывать подобное чувство. Он посмотрел в ее сторону, заметив, что она таращится на него, и Минни поспешила сосредоточиться на картине за окном.

– Знаете, мне, похоже, ни разу не приходилось встречаться с человеком, родившимся в один день со мной, – сказал он.

– Это особый, очень закрытый клуб. Я вам сделаю членскую карточку. – Минни помолчала, нервничая по вполне определенной причине. – Послушайте, я... мне жаль, я, конечно, должна знать ваше имя, поскольку пришла на ваш вечер, но пришла-то я с Грегом, а он ничего не сказал. Наверное, мне следует узнать, как вас зовут, если мы оба будем состоять в клубе родившихся первого января.

– О, простите. Я Квинн, – ответил мужчина.

– Квинн? – Минни разинула рот. – Квинн Хэмилтон?

– Да, Квинн Хэмилтон.

– Квинн Хэмилтон, родившийся в больнице Хэмпстеда в девяностом году?

– Ну да... – Квинн растерянно нахмурился.

– Ты, – сообщила Минни, стискивая зубы, – ты стащил мое имя!

Канун Нового, 1990 года

Конни Купер лежала на больничной койке, глядя на женщину на соседней кровати, то есть прежде всего она смотрела на ноги этой женщины – длинные, блестящие и гладкие, как у куклы Барби. Как такое вообще возможно в подобном состоянии? Конни бросила взгляд на собственные короткие толстые ноги, поросшие черными волосками. Наверное, следовало их побрить, прежде чем явиться сюда... ну, по крайней мере, ту их часть, до которой она смогла бы дотянуться.

Конни наблюдала за тем, как эта женщина промокает лоб кремовым кружевным платочком. У самой Конни и волосы, и больничная рубашка промокли от пота; воспользоваться носовым платком было бы все равно что попытаться осушить палубы «Титаника» кухонным бумажным полотенцем. Блестящие светлые волосы женщины были завязаны сзади изящной желтой лентой – лентой! У кого нынче вообще есть ленты? Собственную темную курчавую гриву Конни удерживала резинка, которой Билл связывал свои инструменты. И только одно общее было у Конни и женщины на соседней кровати: у обеих были огромные круглые животы, выпиравшие под рубашками.

– Тут сейчас что-то вроде переполненной парковки или еще чего-то в таком же роде. Должно быть, весь Северный Лондон решил рожать именно этой ночью, – сообщила Конни.

Другая женщина не ответила. Вид у нее был болезненный, измученный.

– Вы рассчитываете справиться до полуночи? – спросила Конни.

– Нет, – слабым голосом произнесла женщина. – Мне так хочется, чтобы малыш наконец появился, я уже два дня мучаюсь, схватки то начинаются, то прекращаются.

– Я думала, вы, может быть, нарочно стараетесь притормозить, ради приза, – сказала Конни. – Кстати, я Конни.

– Тара, – откликнулась блондинка, но прозвучало это как «Та...рааа», потому что началась очередная схватка.

Женщина задышала коротко, прерывисто.

Конни хотела сказать что-нибудь еще, но ей пришлось сосредоточиться на собственной схватке, затем она встала, прошла через палату и согнулась над одной из пустых коек напротив, пока боль не утихла. Потом вернулась к Таре:

– Вы неправильно делаете. Вы слишком поверхностно дышите, прямо как маленький ягненок.

– Ягненок? – с оскорбленным видом переспросила Тара.

– Да. Вам нужно дышать на всю глубину, как корова, а лучше как гиппопотам. Попробуйте сопеть, как бегемот.

– Я не собираюсь сопеть, как бегемот, – резко тряхнула головой Тара. – Это глупо!

Конни пожала плечами. Она начала переступать с ноги на ногу, держась за спинку кровати.

– А вы действительно никогда не слышали о призе за ребенка девяностых? Наверное, вы одна такая.

– Ох, ну да, – кивнула Тара. – Кажется, что-то такое слышала на одном из осмотров. Только не знала, при чем тут приз?

– Это может оказаться одна из нас, – проворчала Конни, потом низко, гортанно застонала. – Вам все равно лучше встать на ноги. Дитя не выберется наружу, если вы будете лежать на спине.

– Я слишком устала. У меня нет сил ходить, – тихо произнесла Тара.

– Да ведь далеко ходить и не нужно, – пояснила Конни. – Надо просто встать, немножко пройтись и дать гравитации сделать свое дело.

Тара неохотно села и спустила ноги с кровати. Похоже, каждое движение требовало от нее грандиозных усилий.

– Ох, только не снова... Я не могу...

Тара опустилась на пол, ее тело явно охватила невидимая всепоглощающая боль.

– Постарайтесь, встаньте, – сказала Конни, беря женщину за руку. – Поверьте, так будет лучше.

Конни поддержала Тару и, подбадривая, помогла ей встать. Тара раскачивалась взад-вперед и жалобно ныла с закрытыми глазами.

– Хорошо. Теперь можно поработать над вашим дыханием, но вы хотя бы стоите наконец.

Двойные двери палаты распахнулись, и быстрым шагом вошла акушерка в светло-голубой униформе.

– Как ваши дела, леди? Мне жаль, что пришлось поместить вас в одну палату, но мы никогда не видели такого количества родов за одну ночь. К счастью, у меня не было никаких планов на новогоднюю ночь, хорошо, правда? – Акушерка хихикнула.

– Они все хотят получить приз, – пояснила Конни. – А эта дама утверждает, что даже не слышала о нем.

Схватка у Тары миновала, она открыла остекленевшие глаза и уставилась на окно. Конни наблюдала за ней, поскольку ей все это было хорошо знакомо: в прошлый раз она рожала четыре дня.

– Ох, вы и вправду не слышали? – удивилась акушерка. – «Лондон ньюс» предложила чек первому ребенку девяностого года, родившемуся в городе. Нам всем ужасно хочется, чтобы это оказался кто-нибудь из больницы Хэмпстеда. Хотя, наверное, у этой газеты просто столько денег, что они там не знают, куда их девать, я так думаю.

– Пятьдесят тысяч фунтов! – сообщила Конни.

Ох, чего бы только не сделала Конни на пятьдесят тысяч! Она могла бы вернуть родителям Билла деньги, которые те дали им взаймы. Они могли бы снять жилье побольше. Она даже могла бы купить ребенку новую одежду – одежду, которую не носили бы до него трое старших двоюродных и родной брат. Но конечно, надеяться она не могла. Были и тысячи других женщин по всему Лондону, которые, наверное, думали точно так же.

– Спонсором приза стал какой-то детский торговый бренд, – сообщила акушерка.

– Она определенно намерена закончить до полуночи, – засмеялась Конни, но смех перешел в одышку, когда в животе родилась новая волна боли.

– Ладно, ложитесь в постель, миссис Хэмилтон, – сказала Таре акушерка. – Мне нужно посмотреть, как далеко вы продвинулись. – Она задернула занавески вокруг кровати и надела резиновые перчатки, а несколько минут спустя отошла от кровати и покачала головой. – Нет, при таком положении дел ваш ребенок этой ночью не появится на свет, вы раскрылись всего на шесть сантиметров. Нужно двигаться, ходить туда-сюда.

– Как раз это я ей и говорю! – крикнула Конни.

– Но сколько еще? – простонала Тара. – Я так устала, мне просто необходимо поспать!

В коридоре зазвенел тревожный звонок. Акушерка быстро сняла перчатки и помыла руки над раковиной.

– Я скоро вернусь, проверю вас, миссис Купер.

Акушерка вылетела из палаты с такой же скоростью, с какой ворвалась в нее, и двойные двери шумно качнулись. Из-за пластиковой занавески до Конни донеслись тихие, похожие на детские рыдания. Она сползла с кровати и отдернула занавеску, чтобы снова видеть Тару.

– Нет-нет. Не время для слез. Мы должны трудиться, – сказала она.

– Я больше просто не могу, я уже два дня не спала...

– А где ваш муж?

– Отправила его домой. Он тоже не спал, и я подумала, что хотя бы одному из нас следует отдохнуть.

Боль снова накатила на Тару, и она инстинктивно свернулась калачиком. Конни почувствовала, что и у нее вот-вот начнется. Она взяла Тару за руку и мягко повернула к себе лицом. Тара начала мяукать, словно кошка, которую душат.

– Это кошка. А я что говорила? Разве я говорила «кошка»? Разве я говорила «овца»? Или же я говорила «бегемот»? Вы должны дышать глубоко. Давайте подражайте мне.

Конни начала низко мычать, выпуская звуки из глубины диафрагмы. Лицо Тары покраснело, взгляд метнулся к двери.

– Не смущайтесь! Никого тут нет, кроме нас. Давайте!

Тара попробовала осторожно замыкать. И сосредоточенно нахмурилась.

– Ниже, глубже, сильнее, намного сильнее, МУ-УУУУ... – проревела Конни.

Тара изумленно уставилась на нее. И повторила попытку, копируя Конни. Та молча кивнула в знак одобрения. Сначала Тара следила за каждым вдохом, все еще пытаясь выглядеть как леди, но постепенно расслабилась и стала по-настоящему имитировать тяжелые стоны Конни.

– Помогает, ведь правда? А теперь сделаем вот так.

Конни опустила на четвереньки и стала возить животом взад-вперед по полу. Тара послушно повторяла ее движения. Схватки Конни к этому времени усилились. Ей хотелось закричать, но она старалась сдерживаться ради Тары, продолжала показывать, как управлять дыханием. Женщины молча раскачивались на полу.

– Вы сделали маникюр перед родами? – спросила Конни, поглядывая на безупречные ногти Тары.

– Да, – ответила Тара, вытягивая пальцы. – А что?

– Побрили зону бикини и так далее? – с усмешкой поинтересовалась Конни.

– Это немного личный вопрос, – нахмурилась Тара.

Она продолжала медленно раскачиваться взад-вперед, и тут у нее шумно вырвались газы. Тара даже не сразу сообразила, что произошло, а потом прижала ладонь к губам. Конни захихикала – протяжно, искренне.

– Может и похуже кое-что случиться, так что лучше вам расслабиться и не пугаться того, что вы слегка пукнули, мисси.

Тара закрыла лицо ладонями, а потом и сама расхохоталась. Смеялась она музыкально, звонко.

– Ой, неужели вам смешно? – удивилась Конни. – Но у вас и смех звучит как-то странно!

И тут обе женщины разразились истерическим хохотом и никак не могли остановиться.

– Ну да, я так смеюсь, что тут неправильно? – фыркнула Тара со слезящимися от смеха глазами.

– Ох, не смешите меня, не смешите, от этого только больнее! – застонала Конни, одной рукой хватаясь за живот, а другой обмахивая лицо.

В следующие часы Конни учила Тару расслабляться, давать телу свободу. Показывала, какие положения могут помочь ребенку выбраться на волю. Учила дышать, и мычать, и рычать, и визжать, и не обращать внимания на то, как это может выглядеть или звучать. Схватки стали более регулярными, потом частыми. Дело наконец пошло на лад.

– А вы знаете, кто у вас будет? – спросила Конни, когда они вместе одолели очередную схватку.

– Мальчик, – ответила Тара.

– А имя уже выбрали?

– Ох, слишком много всего, так все трудно, Конни... Я не могу... – Тара снова захныкала.

– Эй, не стоит тратить силы на слезы! – прикрикнула на нее Конни. – Давайте следите за мной, делайте все так же, как я, мы справимся. Так как вы хотите его назвать?

– Моему мужу нравится Джон. Так его самого зовут. А я не знаю, может быть, Роджер? – сказала Тара, вытирая лоб тыльной стороной ладони, и Конни поморщилась, а Тара засмеялась. – Ладно, не Роджер.

– Извините. – Конни тоже засмеялась.

Новая схватка, и обе женщины теперь боролись одновременно. Они держались за руки и дышали в унисон.

– Да где же эта акушерка? – простонала Тара. – Они же должны позвонить Джону!

– Поверьте мне, я уже была здесь один раз и знаю: мужчины только мешают, – сказала Конни, тяжело дыша, переживая последние моменты схватки.

Когда она посмотрела на Тару, то увидела, что та подобралась к кровати и колотится головой о ее спинку. Конни тяжело подошла к ней и погладила по спине:

– Эй, завтра это покажется вам дурным сном. Послушайте, хотите знать, какое имя я придумала для своего? – Конни оттащила Тару от кровати. – Мне это имя нравится с детства. – (Тара обернулась и посмотрела на нее.) – Квинн. Это семейное имя, давнее. Моя бабушка была Квинн. Она обычно говорила, что ирландцам оно приносит удачу, что никогда не знала Квиннов, которые жили бы плохо.

Тара продолжала раскачиваться на месте. Конни не понимала, слушает ли она.

– Первым у меня был мальчик, и Билл настоял, чтобы его назвали Уильямом, как и его. А я сказала, что, кто бы ни был следующим, мальчик или девочка, он должен быть Квинн.

Вернулась акушерка и обнаружила обеих женщин стоящими на коленях на полу и держащимися за руки.

– Судя по всему, ваши детки появятся одновременно, – сказала акушерка, отводя Конни в постель. – Ну давайте посмотрим, как ваши дела, миссис Купер.

Конни и Тара трудились вместе еще четыре часа.

Муж Тары, Джон, вернулся в госпиталь, но Тара заявила, что он может подождать снаружи, пока дела не продвнутся дальше.

– Мне нужна только Конни, – объяснила она акушерке.

Освободились частные палаты, но Тара не захотела перебираться туда. Когда в госпитале появился наконец Билл, Конни тоже решила, что ему лучше посидеть в комнате ожидания, пока его не позовут.

– Так, дайте-ка мне разобраться, – начала акушерка. – Вы обе хотите, чтобы ваши мужья сидели в комнате ожидания, потому что вы стали партнерами по родам?

Конни и Тара кивнули.

К половине одиннадцатого обе они были готовы.

– Хорошо, уже можно переводить в родильное отделение, – распорядилась акушерка, решив наконец, что женщин пора разделить.

Конни и Тару уложили на каталки и увезли из палаты. Они в последний раз хлопнули друг друга по ладоням.

– Удачи! – произнесла Конни хриплым голосом.

– Спасибо, – прошептала Тара.

– Ну а я готова поспорить, что одна из вас точно родит малыша девяностых, – сказала акушерка, толкая каталку Конни.

– В больнице никого нет, кто был бы настолько готов, – согласилась другая, толкая каталку Тары.

Когда Конни привезли в родильное отделение, Билл уже сидел там. Увидев жену, он вскочил и сложил газету, которую до этого читал.

– Ты не спешила, женщина, я тут сто лет жду.

– А я не ради твоего удобства стараюсь, Билл, – огрызнулась Конни. – Рожу, когда все будет хорошо и правильно.

Билл снова сел, крепко сжав губы.

Конни трудилась еще полчаса. Ей понадобились все оставшиеся у нее силы, до последней капли, так что было не до разговоров. В какой-то момент Билл встал, посмотрел на свои часы и скривился:

– Если бы ты сумела продержаться еще всего чуть-чуть, милая... До полуночи осталось две минуты.

Конни испустила пронзительный, рвущий перепонки крик, как какой-нибудь птеродактиль, защищающий птенца от хищника. Две акушерки подскочили на месте, а Билл тут же хлопнулся обратно на стул и так и сидел, ссутулившись, скрестив пальцы.

– Вижу головку, – сообщила одна из акушерок.

Боль стала невыносимой. И как только Конни подумала, что вот-вот разорвется на части, все закончилось.

– А вот и мы! – воскликнула акушерка. – Ох, какая изумительная девочка!

Все остальные в комнате замолчали, прислушиваясь, ожидая, когда новое существо подаст голос, сделает первый вдох. И вот раздалось сердитое мяуканье, и тут же сквозь тонкую стенку они услышали голос другого младенца.

– Как она, все хорошо? – спросила Конни, всматриваясь в лица акушерок.

– Она великолепна! – ответила одна из них, заворачивая новорожденную в пеленку и осторожно кладя ее на грудь Конни.

– Она была первой, – решительно заявил Билли. – Определенно похоже на то, что наша была первой. Ты ее родила сразу после полуночи, ты просто настоящая героиня, Конни Купер!

Но Конни его не слушала; она была слишком занята, рассматривая прекрасное крошечное существо, ворковавшее у нее на руках.

Первый день 1990 года

На следующее утро Конни тихонько напевала своей малышке, когда Билл вернулся в больницу вместе с Уильямом.

– Смотри-ка, кто тут у нас? – сказал он, опуская Уильяма на пол.

Мальчик тут же протопал к кровати, восклицая: «Мама!» – и протягивая руки к Конни.

– Уильям, хочешь познакомиться со своей сестренкой? – спросила Конни, похлопывая по кровати рядом с собой.

Уильям вскарабкался на кровать, и теперь Конни обнимала обоих детишек.

– Это Квинн. – Она взяла руку Уильяма, чтобы он осторожно погладил свою новую сестричку.

– Ты теперь не можешь назвать ее Квинн, – возразил Билл.

– Это почему? – спросила Конни, глядя на него.

– Ну, просто так назвала своего ребенка та леди, которая выиграла приз.

– Что?! – шепотом воскликнула Конни, затем аккуратно уложила девочку в кроватку рядом со своей постелью. – Билл, это ты о чем?

– По радио говорили. Тот младенец выиграл приз, родился за минуту до нашей, и его назвали Квинном. А я все равно считаю, что мы были первыми. Подозреваю, эти акушерки сговорились, просто решили, что та женщина будет лучше выглядеть в газетах, – мрачно произнес он, потирая лысую голову слишком крупными ладонями.

– Квинн? Она назвала своего малыша Квинном? – Конни просто не могла в это поверить.

– Ну да, так что мы не можем и своей дать то же самое имя, это будет выглядеть довольно странно. Их Квинн во всех новостях, он прославился, к тому же теперь все думают, что это мужское имя. – (Конни сидела в постели, застыв от ошеломления.) – А мне всегда нравилось имя Минни, – продолжил Билл. – Как ты считаешь, Уилл? Малышка Минни. Может, она и не разбогатеет, но наверняка станет красавицей.

Он наклонился и поцеловал жену в лоб, погладил щеку малышки мозолистой рукой штукатура.

Конни слишком устала, чтобы думать. Ей необходимо было поспать. Ей нужно было покормить младенца. И еще ей нужно было придумать, как она собирается заботиться о едва начавшем ходить малыше и новорожденной одновременно. А насчет имени можно поспорить с Биллом позже.

Но к тому времени, когда они вернулись домой и Конни смогла выспаться, малыш Квинн Хэмилтон, первый ребенок девяностых годов, был уже во всех новостях. «Самое счастливое дитя в графстве!» – кричал один заголовок. «Победа Квинна!» – заявлял репортер в утреннем шоу. Это имя теперь казалось Конни запятнанным, газеты дразнили ее деньгами, которые могла выиграть она сама. Кроме того, Билл уже начал называть малышку Минни.

Конни сидела на диване и кормила свое дитя, наблюдая за тем, как телерепортер берет интервью у Тары.

– Мне кое-кто сказал, что Квинн – имя, приносящее удачу, и он наверняка везунчик, – улыбалась Тара.

Ее светлые волосы выглядели только что высушенными феном ради такого случая, лицо было свежим и сияло. Она совсем не походила на недавно родившую женщину. Конни посмотрела на свою дочурку и тихо сказала:

– Поверить не могу, что она украла твое имя.

Конни чувствовала, как на глазах закипают горячие слезы. От приливов молока она становилась слишком эмоциональной; если бы она позволила слезам пролиться, их было бы уже не остановить. И Конни закрыла глаза, чтобы успокоиться, и прошептала малышке:

– Всего на минутку опоздали, а?

Первый день 2020 года

Постой, постой, – сказал Квинн, поднимая вверх палец, чтобы прервать Минни. – Тебя зовут Минни Купер?

Минни и Квинн сидели на полу, солнечные лучи уже лились сквозь окно. Минни откинулась назад, опираясь на руки, и качала головой из стороны в сторону.

– А можешь поверить, что мои родители долго еще не забывали об этом? А потом еще в школе меня постоянно дразнили...

– Ну, мне жаль, что тебя называли как автомобиль, – усмехнулся Квинн. – Но не думаю, что моя мать именно так рассказывала всю историю.

– Ну конечно не так, – ответила Минни. – Иначе ей бы пришлось признать, что она украла чужое имя.

Квинн развернулся всем телом, чтобы сесть лицом к Минни:

– Нет, ну как в такое поверить? Мы родились в одной больнице, в один день, с разницей в несколько минут! Велики ли шансы на подобное совпадение? И потом мы знакомимся вот так, именно в наш день рождения, не в какой-то другой! Тебе не кажется, что в этом есть нечто знаменательное?

Минни посмотрела на него. И подумала, как этот человек повлиял на ее жизнь. Она понимала, что странно обижаться на того, с кем никогда не встречалась, на того, о ком ничего не знала, но она негодовала. Ведь, по словам ее матери, он был тем самым мальчиком, который похитил ее имя, а вместе с ним и удачу. Когда с Минни случалось что-нибудь плохое, мать всегда говорила ей: «Ты родилась невезучей, девочка». Эти слова Минни слышала все свое детство. И теперь на нее нахлынули воспоминания.

В свой седьмой день рождения Минни упала в открытый канализационный люк на улице и сломала ногу.

– Рабочий клянется, что отвернулся всего на несколько секунд, – сказал парамедик, вытаскивая ее из колодца.

– Да она просто родилась невезучей, – сообщила Конни, наклоняясь над люком. – С Квинн Купер такого никогда бы не случилось!

Накануне тринадцатого дня рождения родители разрешили ей пригласить на праздник друзей. Минни пригласила двенадцать человек из своего класса, включая мальчика, который ей нравился, – Каллума Петерсона. Десять из приглашенных на той же неделе слегли с гриппом, так что пришли только Каллум Петерсон и Мэри Стефенс. И весь вечер Минни наблюдала за тем, как Каллум и Мэри милуются на ее диване. Они прервались лишь тогда, когда из кухни вышла ее мама, чтобы предложить им горячие закуски. Когда Конни наклонилась над кофейным столиком, чтобы убрать тарелку с оставшимися волованами, она, подмигнув, шепнула дочери:

– Такого никогда не случилось бы...

– Знаю, знаю, – прошипела в ответ Минни, – с Квинн Купер.

История украденного имени Минни превратилась в семейную легенду. И мать рассказывала историю несправедливости при каждом удобном случае.

– Ну она же не думала, что это несправедливо, – с усмешкой вставлял отец Минни.

– Ой, замолчи! Эта ханжа рожала бы еще несколько часов, если бы не я! – отвечала обычно Конни.

Билл и Уильям посмеивались над Конни, когда возникала эта тема, но Минни заметила, что, хотя мать и старалась говорить об этом легко, в ее глазах всегда возникала боль. Это бросало серые тени на детские воспоминания, особенно когда речь шла о днях рождения или о Рождестве. Конни хранила не только старые школьные дневники Минни вместе с грамотами

Уилла, но и вырезку из «Лондон ньюс» за тот день, когда Минни родилась, с заголовком насчет Квинна на первой странице. И каждый раз, когда она брала в руки эту вырезку, на ее лице появлялось выражение торжественной грусти.

Минни никогда бы и в голову не пришло, что она может познакомиться с этим человеком. Иногда она даже сомневалась в реальности всей этой сказки. Когда она была подростком, то однажды поискала его в Интернете, но не нашла в соцсетях ни одного Квинна Хэмилтона своего возраста. Однако он все же существовал и сейчас сидел рядом с ней на полу, а его доброе красивое лицо улыбалось так, словно они были давними друзьями.

– Если тебе станет от этого легче, скажу, что я не знаю, какую именно удачу принесло мне мое имя, – сообщил Квинн.

– Но похоже на то, что дела у тебя в порядке, – ответила Минни. – Эта вечеринка стоила, пожалуй, столько, сколько я зарабатываю за год.

– Деньги – это далеко не все, – пожал плечами Квинн.

Минни состроила гримаску:

– Да, «деньги далеко не все», – так говорят те люди, у которых они есть.

– Послушай, давай позавтракаем вместе? Мне интересно узнать что-нибудь о моем двойнике по дню рождения. Я заплачу. Это меньшее, что я могу сделать после того, как стащил твое имя. – Он встал и протянул Минни руку, чтобы помочь ей подняться с пола.

Минни заколебалась. Да, искушение было велико, но что-то в самоуверенных манерах Квинна вызвало у нее желание отказаться. Кроме того, был первый день нового года. А по своему опыту Минни знала, что соглашаться на что-либо в ее день рождения никогда не было хорошей идеей.

– Мне жаль, но я не могу, – немного резковато ответила она. – Мне нужно домой – принять душ и выяснить, что случилось с моим другом. Он будет беспокоиться из-за меня.

– Конечно, – кивнул Квинн, глядя в пол и ероша свои густые волосы. – Но возможно, в другой раз?

– Возможно, – сказала Минни, подхватывая свою сумку.

– Но ты же не всерьез насчет всей этой истории с именем, нет? – спросил Квинн. – Это ведь просто имя.

– Для тебя – может быть, – сказала Минни, встряхивая волосами так, чтобы те почти полностью закрыли ей лицо.

Они спустились к главному входу клуба, и Квинн открыл перед Минни дверь на улицу.

– Послушай, если ты не можешь позавтракать со мной, могу я хотя бы узнать номер твоего телефона? – спросил Квинн. – Хотя бы для того, чтобы получить карту твоего клуба.

– Карту клуба?

– Клуб родившихся первого января.

– Да. Верно. Ну, ты можешь без труда меня найти. В Facebook не так уж много Минни Купер, у которых нет автомобиля.

Минни посмотрела на Квинна. Он стоял совсем близко от нее, придерживая дверь, но при этом загораживая ей дорогу. И тут по ее коже побежали мурашки, она обхватила себя руками.

– У тебя что, нет пальто? – спросил Квинн.

– Я потеряла куртку по дороге сюда.

– Позволь предложить мою, займы, ты же замерзнешь.

– Нет, все в порядке.

Минни наклонила голову набок. Квинн не сдвинулся с места. У нее вдруг закружилась голова, ее взволновала его физическая близость. Он был совсем рядом, она ощущала тепло, исходящее от его тела. И Минни вдруг заметила, что вдыхает его запах, запах горячей кожи и отутюженного хлопка рубашки. Она бессознательно облизнула губы. Жест был едва уловимым, но Квинн заметил его и улыбнулся. Минни нахмурилась, потом быстро нырнула под его руку и

выскочила на улицу. Этот человек явно привык к тому, что женщины тают под его взглядом. И она сомневалась, что ему хотя бы раз отказывали хоть в чем-то, пусть это был просто завтрак.

– Ладно, с днем рождения, Похититель Имен! – бросила она, поворачиваясь, чтобы уйти.

– И тебя с днем рождения, Двойняшка! – ответил Квинн, прислоняясь к дверному косяку.

Минни быстро пересекла дорогу и по маленькому переулку пошла прочь от клуба. Ей очень хотелось оглянуться, посмотреть, провожает ли он ее взглядом. Когда она вышла на широкую улицу, недавно еще ясное небо вдруг затянуло тучами и посыпались гигантские дождевые капли.

Первое января 2020 года

Минни вышла из пятидесят шестого автобуса на полпути по Эссекс-роуд, у супермаркета «Сейнсбери». Несколько потерянных душ ждали перед входом, когда он откроется. Пластиковые стаканчики усеяли тротуар перед пабом напротив, дождь еще не смыл окурки и огрызки, валявшиеся вокруг переполненных мусорных баков. И дождь продолжал лить, когда Минни бежала по улице к своему дому, прикрывая голову ладонями. В подъезде она порылась в сумке в поисках ключей, но их там не было. Минни немного постояла, мокрая и дрожащая, затем высыпала все из сумки на пол перед дверью, цепляясь за надежду, что ключи затерялись где-нибудь среди всяких мелочей. Потом, глядя на промокшую кучку содержимого сумки, она закрыла глаза и медленно выдохнула. Ключи были в кармане куртки, той самой куртки, которую она потеряла в автобусе накануне вечером. Конечно, они были там. Это ведь был ее день рождения... Сегодня ничто не могло идти нормально.

Минни посмотрела на окно своей квартиры. И увидела серую мордочку кота, прижатую к стеклу.

– Ох, Лаки... бедный мой Лаки! – всхлипнула Минни. – Тебя ведь нужно покормить, милый...

Минни снова запихала все в сумку и позвонила в две другие квартиры дома. Может, кто-нибудь сжалится над ней. Она хотя бы сможет перезарядить телефон, просохнуть и позвонить домовладельцу, чтобы тот ее впустил.

Но никто не ответил.

– А ты рано, – сказала Лейла, открывая дверь перед Минни. – Я тут подумала, не пригласить ли тебя куда-нибудь на ланч?

Вместе со своим другом Лейла жила на верхнем этаже бывшего муниципального здания в Стоук-Ньюингтоне, в северо-восточной части Лондона, в получасе езды автобусом от квартиры Минни. Весь их квартал представлял собой скопище серых бетонных строений с разрисованными граффити стенами, но внутри было светло и уютно. Лейла вышла к двери в розовом халате с единорогами, на котором спереди блестящими розовыми буквами было написано: «Хочешь стать единорогом?» Выкрашенные во все цвета радуги волосы Лейлы были связаны на макушке в небрежный узел, но от корней на несколько дюймов пробивались ее собственные серовато-каштановые волосы. Описывая Лейлу, Минни обычно говорила, что та похожа на кинозвезду 1950-х годов, с невообразимой прической; у Лейлы была отличная фигура и глубоко посаженные глаза. Но этим утром ее наряд ничего не говорил о звездности.

– Я потеряла ключи от дома, а еще всю ночь просидела взаперти в туалете клуба, – сообщила Минни, входя в квартиру и отмахиваясь от Лейлы, попытавшейся обнять ее. – Не надо, промокнешь.

– В туалете ночного клуба? – Лейла закрыла лицо ладонями. – Бедная девочка! – Протянув руку, она погладила Минни по голове и по щеке, как котенка. – С днем рождения, Мин!

– Спасибо, – машинально ответила Минни, потирая переносицу, а потом громко, глубоко вдыхая.

– Только посмотри... ты насквозь мокрая! Идем, идем! Я удивлена, что ты решила пойти в клуб. Должно быть, Грег тебе по-настоящему нравится.

Минни пошла за подругой по узкому коридору к ванной. Лейла сняла с вешалки серовато-розовое полотенце и протянула ей. Оно было жестким, как картон, словно его раз пятьсот стирали при температуре на миллион градусов выше нормы.

– Прими горячий душ, а потом надень что-нибудь сухое, – предложила Лейла.

– С днем рождения, Минни! – раздался из другой комнаты голос Иэна.

Минни заглянула в гостиную. Иэн, положив ноги на перевернутый оранжевый ящик, служивший кофейным столиком, сидел на низком бежевом диване в боксерских трусах и играл в какую-то игру на приставке Xbox. Его коротко подстриженные волосы прятались под красной бейсболкой, а у плеча на руке появилась татуировка: «Игрок Номер Один».

– Спасибо, Иэн. Новая татушка?

– Рождественский подарок Лейлы, – пояснил Иэн.

– Не я ее делала! – крикнула из ванной Лейла. – Не я выбирала, и я не одобряла.

– Хочешь поиграть вдвоем? Может, разобьешь полосу моих неудач?

– Может быть, когда у меня в пальцах снова появится чувствительность, – ответила Минни.

Лейла вернулась из ванной и сунула в руки Минни маленькую белую бутылочку. На этикетке были кокосы и розовые цветы.

– Можешь попользоваться моим гелем для душа, – шепнула Лейла. – Я прячу гель от Иэна, а то его яйца будут благоухать кокосами несколько недель.

Минни встала под душ и позволила теплой воде стекать по ее лицу. Она терла кожу, стараясь смыть и старую косметику, и запах клуба. У нее все еще немела шея от сна на полу в туалете, и Минни изо всех сил растирала ее ладонями. В дверь ванной просунулась рука Лейлы.

– Я только повешу для тебя одежду, – сказала она.

Минни посмотрела на дверь – Лейла повесила на крючки платье в красно-белый горошек. Лейла не отличалась консервативностью в одежде; большинство ее нарядов были даже ярче, чем похожие на радугу волосы. Она напоминала ребенка, который желает использовать все до единой краски в коробке восковых мелков «Крайола».

Двадцать минут спустя Минни явилась в гостиную.

– Я не могу носить такое, – сказала она.

– Вылитая Минни-Маус! – расхохотался Иэн.

– Не груби. Ты чудесно выглядишь, – заявила Лейла, бросая на Иэна хмурый взгляд.

– Но ты же не поведешь меня в Диснейленд, нет? – подбоченилась Минни.

– Нет, ничего такого волнующего, – ответила Лейла. – Просто приглашаю на ланч. Я устала от того, что ты никогда не хочешь ничего устраивать в свой день рождения. Тебе же тридцать, это важная дата. Мы должны как-то ее отметить.

– О, черт, да ты уже старая! – воскликнул Иэн, отрывая взгляд от экрана и глядя на Минни.

Его нижняя губа дрогнула, глаза расширились в насмешливом ужасе.

– Ха-ха! – откликнулась Минни, показывая на экран телевизора, где вспыхнула надпись заглавными буквами: «КОНЕЦ ИГРЫ».

Иэн зашипел и бросил пульт на диван рядом с собой. Содрав с головы бейсболку, он несколько раз провел ладонью по волосам:

– Не уверен, что нам следует впускать Минни в квартиру, если над ней висит это проклятие. Мне совсем ни к чему, чтобы на меня обрушился потолок, когда я сижу тут в одних трусах.

Минни демонстративно закатила глаза. Иэн уже три года был бойфрендом Лейлы, и они с Минни быстро начали играть роли вечно бранящихся родственников. Им нравилось сражаться за внимание Лейлы.

– Если потолок начнет рушиться, ты, возможно, хотя бы встанешь с этого дивана, – сказала Лейла, размахивая пальцем перед его носом. – Могу поспорить, Грег не сидит целыми днями в одних трусах, развлекаясь видеоиграми, так, Минни?

– Оставь в покое мои трусы! – возмутился Иэн. – Мы с этими трусами прошли через многое! И ты с этими трусами имела немало приятных моментов. – Иэн выразительно вскинул брови.

Лейла постаралась сдержать улыбку.

– Черт, я же должна позвонить Грегу!.. Можно зарядить телефон? – спросила Минни.

Она сдвинула в сторону коллекцию разноцветных бутылочек с лаками для ногтей на туалетном столике Лейлы и подключила телефон к прикроватному зарядному устройству. Потом села на кровать, а Лейла принялась рыться в гардеробе, ища, что надеть.

– Ни за что не угадаешь, с кем я познакомилась этой ночью, – сказала Минни, постукивая ногой по полу.

– С папой римским?

– Нет.

– С Джоном Бон Джови?

– Нет.

– С пылким священником из сериала «Ночлежка»?

– Ты просто говоришь наугад.

– Ну да.

– Ладно, скажу... – Минни помолчала, ожидая, пока Лейла не сосредоточится. – С Квинном Хэмилтоном.

Лейла смотрела на нее, не понимая:

– С кем?

– Квинн, Квинн Хэмилтон! – Минни недоверчиво уставилась на подругу. – Квинн Похититель Имен!

– Квинн! *Тот самый* Квинн?! – Лейла шагнула к Минни, ее глаза расширились, одна ладонь взлетела к груди. – Заклятый враг детства Квинн?

– Да, тот самый Квинн, – подтвердила Минни, медленно кивая.

Лейла тут же забыла о поисках наряда и плюхнулась на кровать рядом с Минни:

– Ну и что, как... – Она недоуменно покачала головой. – Как ты узнала, что это он?

– Это был его день рождения. Знакомая Грета по газете, Люси Донохью, с ним встречается. Я только тогда с ним столкнулась, когда он выпустил меня из туалета около семи утра сегодня. Я сразу поняла, кто он такой. Много ли Квиннов, родившихся первого января, могло там очутиться?

– А почему ты вот так говоришь о Люси Донохью? – прищурившись, спросила Лейла.

– Как – «так»?

– Сквозь зубы, наморщив нос.

– Разве? Не знаю... Мне она показалась неприятной. Ладно, вернемся к Квинну. Квинн! Можешь в такое поверить?

Экран телефона Минни засветился, оживая. Появилось имя Грета вместе с потоком сообщений. Минни застонала.

– Все в порядке? – спросила Лейла.

– Грег бросил меня в клубе, а теперь шлет кучу сообщений, поскольку считает, что это я его бросила.

– Я ни за что и никогда не ушла бы без тебя, – торжественно заявила Лейла.

– Знаю. И я никогда не ушла бы без тебя. – Минни сжала руку подруги. – Но вроде бы он не слишком злится. Наверное, нужно ему позвонить.

– Сначала расскажи до конца всю историю, а Бросатель Людей в Туалете может и подождать.

– Ладно, дай только минутку... Я напишу домовладельцу, узнаю, сможет ли он сегодня впустить меня в мою квартиру. Мне обязательно нужно туда попасть, чтобы накормить бедняжку Лаки.

Минни набрала сообщение, а Лейла при этом ритмично щелкала языком, качая головой из стороны в сторону, как метроном.

– Итак, ты сказала Квинну, что он похитил твое имя? – спросила Лейла, как только Минни отправила сообщение. – И каков он? Крутой? Квинн Хэмилтон... По мне, так это звучит круто.

– Да, я ему сказала, что он сташил мое имя, а он засмеялся, словно я пошутила. И я не понимаю, откуда у тебя такая мысль: что есть крутые имена и некрутые, – с легким раздражением сказала Минни, разглаживая юбку на коленях. Она совершенно не привыкла носить платья и чувствовала себя так, словно смотрит на кого-то чужого. – Ты ведь не всерьез собираешься вывести меня на публику вот в таком виде, нет? – спросила она Лейлу.

– Значит, он крутой? – повторила Лейла, прищуриваясь еще сильнее.

– Наверное, но только в стандартном смысле. Надменный, богатый. Скорее всего, родился с серебряной ложкой не только во рту, но и во всех отверстиях, – скривилась Минни.

– Ладно, хорошо, но я хочу услышать все в деталях. Я ужасно любопытная, особенно по части любовных приключений. И – да, ты должна пойти в платье, – обещаю, это будет весело. – Лейла вернулась к гардеробу и достала ярко-желтое чайное платье в стиле 1950-х годов. – Что, это слишком?

– Тебе такое подойдет, а мне – нет, – ответила Минни, качая головой.

Лейла сбросила пижамные штаны и надела желтую юбку.

– Погоди, – спохватилась Минни, – что ты имела в виду, говоря о любовных приключениях? Это никакого отношения к ним не имеет, это просто знакомство с человеком, с которым мама сравнивала меня всю мою жизнь. Ладно, позвоню Грегу...

Минни набрала его номер. Грег не любил разговаривать по телефону, предпочитая обмениваться эсэмэсками, но сейчас Минни казалось, что коротким текстом не обойтись. Однако она наткнулась на автоответчик.

– Привет, Грег, это Минни. Звоню, чтобы сказать: я не ушла домой без тебя, это ты ушел без меня, да и в любом случае... Погоди, мне кто-то звонит... Может, это ты? Нет, незнакомый номер. Перезвоню попозже. Я просто хотела сказать, что жива... Пока!

Минни быстро переключилась на входящий звонок. Это был ее домовладелец, мистер Бьюкенен. Он готов был встретиться с ней у ее квартиры и передать запасные ключи.

– Ты что, уходишь? – спросила Лейла, как только Минни выключила телефон. – А как насчет ланча?

– Мне нужно домой – покормить Лаки. А потом опять приду. – Минни встала и обняла Лейлу. – Спасибо, что спасла меня!

Губы Лейлы дернулись, когда она провожала подругу взглядом.

– Надеюсь, это не предлог к тому, чтобы переодеться! – крикнула она вслед Минни.

Мистер Бьюкенен ждал Минни на улице. Когда она подошла, он как раз изучал ее мусорный бачок на колесах. Домовладельцу было за шестьдесят, у него были абсолютно белые волосы, и он шепелявил. Увидев Минни в платье в горошек, он застыл.

– Спасибо вам огромное, что пришли, – задыхаясь от бега, проговорила Минни. – Я не могу позволить себе вызвать слесаря, тем более в первый день нового года.

Мистер Бьюкенен начал рассматривать облупившуюся краску на входной двери, ковыряя ее ногтем, чтобы проверить, насколько легко та отваливается.

– Да, насчет ваших финансов, мисс Купер, – сказал он, раздувая огромные волосатые ноздри. – Я вижу, вы опять не оплатили вывоз мусора.

– Да, я знаю, деньги так и улетают, но я все сделаю, не беспокойтесь, – пообещала Минни, энергично взмахивая кулаком.

– Мне ведь сообщают, когда у арендаторов возникают денежные проблемы, понимаете? – продолжил домовладелец, поворачиваясь к ней. – И мы уже говорили об этом прежде, ведь так?

– Ох да, я знаю, но... – Минни посмотрела вверх, увидела Лаки, прижимавшегося к оконному стеклу, и махнула коту рукой.

– Чего это вы машете? – спросил мистер Бьюкенен.

– Мой кот... мой каталог... – Минни вдруг вспомнила, что держать животных по условиям договора аренды не разрешено. – Каталог, похоже, доставили. Я просто слегка разволновалась... Вам нравятся новые каталоги? Январские распродажи, ну и всякое такое...

Мистер Бьюкенен повернулся и посмотрел на окно. Минни не знала, успел ли он заметить, как мелькнул серый хвост, когда Лаки исчез из виду.

– Ладно, все ясно, – перебил ее мистер Бьюкенен. – Только непохоже, что вы в таком положении, чтобы развлекаться покупками, мисс Купер. – Он моргнул маленькими глазками. – Вы должны заново заключать договор первого числа, то есть сегодня... – Он помолчал. – Но я не уверен...

Минни уже поняла, что именно он собирается сказать, и подняла палец, останавливая его:

– *Погодите!* Мистер Бьюкенен, пожалуйста, подождите, что бы вы ни хотели сказать, пожалуйста! Можно это сделать не сейчас? Я знаю, звучит безумно, но со мной постоянно случается что-то дурное первого января... Даже если вам предстоит принять решение насчет моего проживания здесь, не могу ли я позвонить вам завтра, когда уже будет не первое число, и... ну... Ладно, просто не решайте все сегодня. Согласна, я паршивый арендатор, но дайте мне еще один день.

Голова мистера Бьюкенена едва заметно качнулась из стороны в сторону. Его губы шевелились, словно Минни была книгой, которую он пытался прочитать, но страницы переворачивались перед ним слишком быстро.

– Вы хотите, чтобы я попросил вас съехать завтра? – наконец спросил он, насмешливо взглядываясь в нее.

– Нет-нет, я вообще не хочу, чтобы вы предлагали мне съехать. Просто подождите, мистер Бьюкенен, решите все завтра. Может, завтра я покажусь вам не таким уж плохим жильцом.

Минни одарила домовладельца самой очаровательной улыбкой, какую только сумела изобразить.

– По договору у вас месяц после уведомления, мисс Купер, – сказал он, протягивая ей запасные ключи. – Но раз уж вы так любезно просите, я подожду до завтра, прежде чем извещу вас письменно.

Минни вошла в квартиру, бросила сумку на пол и подхватила Лаки на руки:

– Ох, Лаки, как тут холодно! – (Лаки вывернулся из ее рук и умчался в кухню.) – Да, конечно, сейчас покормлю...

Она достала из холодильника полупустую банку кошачьего корма и вывалила ее содержимое в мисочку. Лаки мгновенно сожрал почти все, а потом вспрыгнул на кухонный прилавок, а с него – на холодильник.

– А, ты нашел единственное теплое местечко во всем доме? А меня не хочешь погреть немножко?

Лаки свернулся клубочком – это определенно было отказом.

Минни прошла в соседнюю комнату и упала на кровать. Было тихо, только слышно было, как капает вода из крана в ванной и гудят машины на соседней улице. Минни вздрогнула, спрыгнула с кровати, сняла глупое платье Лейлы и порылась в ящиках комода в поисках чего-нибудь потеплее. Она надела спортивные штаны, две теплые футболки, самый толстый джемпер и шерстяные носки, а потом снова забралась в постель.

Затем Минни посмотрела на телефон. Нужно попытаться позвонить Грегу. Нужно позвонить Лейле и отменить их ланч. Минни совершенно не хотелось выходить из дому сегодня.

На нее навалилась усталость. Теперь, когда она просто лежала, адреналин, кипевший в ней в последние двадцать четыре часа, перестал наконец ее подгонять. И ей страшно было хоть с кем-то еще иметь сегодня дело. Зная свое невезение, она и Грегу звонить не хотела, потому что разговор превратился бы в ссору. А если она пойдет с Лейлой... кто знает, что будет. Да, они были близки, но не существует нерушимой дружбы.

Она отправила Грегу, Лейле и родителям эсэмэски: у нее все в порядке, не стоит о ней тревожиться, просто у нее ужасная мигрень и ей нужно сегодня остаться в постели. После этого Минни выключила телефон. Она не страдала мигренями, у нее их никогда не было, но никто ведь и не стал бы допытываться, люди принимают это как факт и оставляют тебя в покое. Минни нечасто использовала подобный предлог, лишь пару раз в год, но так называемые мигрени случались у нее с завидной регулярностью именно в дни рождения.

Минни открыла ящик прикроватной тумбочки, достала маленькую коричневую бутылочку. Она почти опустела, в ней остались лишь три маленькие белые пилюли. Это было сильное снотворное, которое Минни прописали в прошлом году во время долгого периода бессонницы. Минни сэкономила их. Она теперь в общем спала лучше, но ей было спокойнее, когда лекарство лежало под рукой. Иначе она могла бы проснуться в тревоге около трех часов ночи, не имея возможности забыться. Минни положила в рот одну пилюлю и проглотила, не запивая. Было всего одиннадцать утра, но если и был вообще день, который она хотела бы проспать, так это ее тридцатый день рождения.

Канун Нового, 2016 года

Гамак Минни был почти идеальным. Он висел под правильным углом между двумя пальмами, и голова в нем лежала немного выше, чем ноги. Минни могла откинуться на спину и смотреть на море, попивая через соломинку кокосовое молоко. Ее курчавые каштановые волосы были влажными и хрустящими после утреннего купания в море; лицо слегка загорело и покрылось веснушками после двух недель пребывания на солнце – она являла собой картину полного удовлетворения. Впрочем, грубая хлопковая ткань гамака слегка раздражала ее, мешая как следует насладиться последними моментами пребывания в раю.

– Не хочется улетать сегодня, – тоскливо сообщила она Лейле, лежавшей в соседнем гамаке.

– Но это единственный рейс, который доставит нас в Дели вовремя, чтобы мы успели на самолет домой. К тому же билеты дешевые, потому что – догадываешься? – ты не единственная, кому не хочется путешествовать в канун Нового года, – ответила Лейла.

Минни испустила протяжный вздох:

– Но разве мы не можем просто остаться здесь, вечно жить в гамаках и пить кокосовое молоко?

– Не думаю, что муниципальный совет Ислингтона позволит мне работать удаленно. Сомневаюсь, чтобы самые незащищенные члены общества, за которыми я присматриваю, одобрили разговор с патронажной сестрой по Skype, которая болтается где-то на пляже.

Минни засмеялась, вертя в пальцах прядь своих волос:

– Ты не понимаешь. У меня просто чувство, что сегодня вечер воскресенья и завтра нужно идти в школу. Через двадцать четыре часа мы обе вернемся на работу, ты к Страдалице Элейн, а я к Извращенцу Питу с вонючими ногами.

– Да уж, – согласилась Лейла. – Как вообще такие люди могут чем-то руководить? Я вижу множество тех, кто готов работать без передышки, но мы живем в мире, где на воротах стоят Извращенец Пит и Страдалица Элейн.

– Ну, когда ты начнешь руководить шоу, я, наверное, увижу прекрасную толпу бродяг и бездомных... хаотическую шамболическую утопию!

Лейла засмеялась:

– Да, я буду править именно под таким манифестом.

Минни посмотрела на море. Трое местных мужчин в голубой рыбацкой лодке качались на бирюзовых волнах. Один из них завел мотор, тот с нездоровым грохотом ожил, выпуская клубы черного дыма, и лодка помчалась к горизонту.

Это была идея Лейлы – поехать на Рождество в Индию. Лейла убедила Минни в том, что ничто лучше каникул не поможет пресечь полосу неудач. До этого Минни только раз выезжала за пределы Англии. Ее родители тогда решили, что могут позволить себе семейный отдых, и приобрели путевку в Аликанте. Но Индия по сравнению с Испанией была совершенно другим миром, и уж конечно, и говорить не приходилось о том, чтобы сравнивать ее с холодной серой зимой у них дома. Когда они вышли из самолета, то почувствовали удар по всем ощущениям, словно впервые увидели краски «Техниколора».

И было нечто волшебное в том, чтобы очутиться в чужой стране вместе с лучшей подругой. Минни и Лейла быстро обнаружили новое блюдо, полюбившееся им обоим, – пряные самосы. Девушки хохотали так, что начинали задыхаться, когда ездили на тук-туках, или лежали рядом на пляже, очищая кокосы и поверяя свои мечты звездам.

Но хотя это были незабываемые десять дней, обе они впервые уехали на Рождество от своих родных, и обоим казалось странным, что на столе нет индейки, а рядом не стоит елочка. Впрочем, они прихватили с собой маленькие привычные символы праздника. Положили в

чемоданы миниатюрные носки друг для друга и открыли их на пляже рождественским утром, зарывшись босыми ногами в песок. Надели дешевые рождественские шляпы, съели на завтрак растаявший «Шоколадный апельсин Терри». Лейла подарила Минни чудесные серьги с изумрудами и колпак шеф-повара с вышитой спереди надписью «Пирог Минни».

– Это на то время, когда у тебя будет собственный пекарный бизнес, – пояснила она, подталкивая подругу локтем.

У Минни в горле набух ком. Управлять собственной кейтеринговой компанией было ее давней мечтой. Минни лишь однажды упомянула об этом при Лейле, когда основательно напилась, – и была изумлена тем, что Лейла запомнила тот разговор.

Минни раздраженно почесала ногу. По всей ее коже расплзлись маленькие красные припухлости.

– Лейла, похоже, у меня аллергия на тот крем от загара, который ты мне дала.

Вдруг сбоку от гамака Минни появилась голова Лейлы; ее яркие зеленые волосы растрепались от влажного воздуха, а фальшивый загар на лице стал слишком оранжевым, – она походила на свихнувшегося умпа-лумпу из фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика». Минни дернулась от неожиданности, пролив на себя сок.

– Не подкрадывайся ко мне вот так! – закричала она, смахивая капли с халата.

– Твой дружок вернулся! – сообщила Лейла, возводя взор к небесам и в то же время обвиняюще показывая пальцем вниз, на собаку, стоящую на песке рядом с ней.

– Блохастый Песик! – воскликнула Минни, вываливаясь из гамака, чтобы поздороваться с ним.

Пес бросился к Минни и принялся облизывать ей лицо. Блохастый Песик был грязной серо-белой дворняжкой, с коротким хвостом, хромой. Всю неделю он таскался за девушками. Минни просто влюбилась в его добродушную мордочку и в первый их вечер в домике на пляже дала ему немного рыбных остатков. Вследствие ее доброты он повсюду, словно тень, следовал за ними.

– Не позволяй ему тебя лизать! – воскликнула Лейла, кривясь.

– Бедняжка, – сказала Минни, нежно почесывая пса за ухом. – Он как будто знает, что мы уезжаем, вот и пришел попрощаться.

– Ему только труднее станет, когда мы уедем. Где он теперь будет находить еду? – проворчала Лейла.

– С ним все будет хорошо, ты посмотри на него. Кто устоит перед такой мордашкой? – Минни потерлась носом о собачий нос.

– Минни, полагаю, что дело не в аллергии, это, скорее, блошинные укусы, – заявила Лейла, с отвращением взмахивая руками.

– Ты так считаешь?

– Ну если уж ты решила завести отпускной роман с Блохастым Песиком...

– Это всего лишь глупая кличка... Ты ведь не думаешь, что у него на самом деле блохи, нет? – встревоженно спросила Минни.

– Думаю. Думаю, они у вас обоих. Не стану садиться рядом с тобой в самолете.

В аэропорту Минни начала потеть, как только они вышли из такси. Она то и дело проверяла, на месте ли ее паспорт, бумажник, чемодан, уверенная, что любой из этих предметов могут украсть в любой момент.

– Расслабься, мисс Паранойя! Ты только привлекаешь к себе внимание, показываешь, где ты держишь бумажник, – предостерегла ее Лейла.

Воздух в терминале аэропорта был холодным по сравнению с душной жарой снаружи. В просторном современном зале повсюду были очереди: на сдачу багажа, на то, чтобы упаковать чемодан в пленку; очереди змеились по помещению, видимо, в никуда.

– Ой, тут кафетерий! Может, выпьем кофе с этими аппетитными пряными самосами? – спросила Лейла, кивая в сторону кафе у самого входа.

– Не буду есть ничего, пока не доберусь до дома, не хочу искушать судьбу, – ответила Минни, покачивая головой и крепко сжимая губы.

При досмотре багажа Минни продолжала потеть и отчаянно чесать руки.

Лейла протянула ей влажную салфетку.

– Минни, не делай такой виноватый вид, а то они устроят нам полную проверку! – прошипела она.

Когда чемодан Минни проезжал мимо сканера, сидевший перед экраном человек подозрительно всмотрелся в Минни. У него были аккуратные каштановые усы и темные волосы, расчесанные на идеально прямой пробор, а голубая форма выглядела свежей, накрахмаленной; его взгляд несколько раз устремлялся то к Минни, то к экрану перед ним. Потом он махнул рукой коллеге, показывая на экран, затем на Минни.

– Мисс, это ваш чемодан? – спросил высокий худой мужчина в старомодных очках и не такой аккуратной форме; он кивнул Минни с другой стороны конвейера.

– Да, – подтвердила Минни.

Ну точно, кто-то подсунил в ее чемодан наркотик, и теперь ей придется гнить в индийской тюрьме ближайшие двадцать лет. Вполне предсказуемо.

– Пожалуйста, идите сюда, мисс, – позвал ее высокий мужчина.

Она прошла следом за ним в какую-то маленькую комнату, мужчина пониже нес ее чемодан. Минни оглянулась на Лейлу, а та покачала головой и развела руками.

– Могу я заглянуть в чемодан? – вежливо спросил невысокий.

– Конечно, – ответила Минни. – Делайте что хотите.

Высокий сказал что-то на конкани. Невысокий аккуратно выложил на скамью одежду Минни, а потом достал какую-то продолговатую коробку. Это был подарок Лейлы на день рождения Минни, аккуратно упакованный. Лейла бросила его в чемодан Минни в последнюю минуту, потому что ее собственный был набит битком индийскими штанами пастельных оттенков, вязаными крючком топами и всевозможными ароматизированными деревянными украшениями, которые она покупала у торговцев на пляже.

– Что здесь? – спросил невысокий, придвигая коробку к Минни.

Высокий нахмурился, взял какой-то планшет с бумагами и начал перелистывать их.

– Я не знаю. Это подарок на мой день рождения.

Минни почувствовала, как скрутило живот. Могла ли Лейла купить ей какие-то таблетки? Конечно же нет!

Мужчины переглянулись. Высокий опять что-то сказал на конкани и постучал пальцем по планшету.

– Можно открыть? – спросил невысокий.

– Конечно, – кивнула Минни.

Может, там что-то вроде бомбочки для ванны, а сенсоры сочли ее похожей на настоящую?

Невысокий начал аккуратно разворачивать обертку, и вот появилась длинная пурпурная пластиковая коробка с надписью «Безумный кролик». Сквозь окошко в коробке был виден длинный розовый фаллический жезл. Минни покраснела как свекла. Чертова Лейла... как это унизительно!

– Что это такое? – спросил невысокий таможенник, наклонив голову набок.

– Ох... э-э... это просто шутка, подарок от моей подруги...

Оба мужчины смотрели на нее пустыми глазами. Минни сжала кулаки, чтобы перестать чесаться. Высокий показал на записку, вложенную в коробку. Второй начал читать:

– «Эй, детка, поймей оргазмический день рождения и нехреновый Новый год. Кому нужны мужчины, а?»

Слово «оргазмический» он прочитал как «орр-газ-мисе».

– Что значит «нехреновый»? – спросил высокий.

– Ох, это... это трудно объяснить, это не переводится... – пробормотала Минни, закрывая лицо липкими горячими ладонями.

Ей уже хотелось, чтобы у нее нашли наркотики.

– Это морально порочный предмет, – сурово заявил невысокий. – Вы продаете это в нашей стране?

– Ой, нет, нет, я это не продаю! Зачем бы мне это продавать?

– Продавать морально нечистые предметы в Индии запрещено, – сказал высокий, покачивая головой и постукивая пальцем по планшету.

– Правда? – Минни искренне удивилась. – Я этого не знала, и, как я уже сказала, это просто подарок. Я даже не знала, что он тут лежит.

– Вам придется подождать здесь. Заполните вот эту форму, – сказал невысокий.

– Очень длинная форма, – мрачно кивая, добавил высокий и подал Минни папку, набитую бумагами.

– Но мой рейс, я же опоздаю на самолет! – воскликнула Минни.

Двое мужчин стали о чем-то переговариваться, пока Минни отчаянно чесала руки. Наконец они снова повернулись к ней, и она застыла.

– Если вы оплатите штраф вместо заполнения формы, то можете успеть на самолет.

Минни порылась в своем бумажнике и достала последние пятьдесят рупий.

Мужчины посмотрели на ее жалкую наличность.

– Нет, это дорого, – сказал невысокий. – У вас есть еще?

Минни уныло качнула головой. Невысокий придвинул к ней бумаги и постучал по ним пальцем:

– Сегодня не ваш день, мисс.

Девушки провели ночь на полу в зале аэропорта. Минни отчасти злилась на Лейлу, подсунувшую ей незаконную сексуальную игрушку, а отчасти была благодарна подруге за то, что та осталась с ней, а не улетела в Дели одна. Лейла так хохотала, узнав причину их задержания, что слегка намочила штаны, ей пришлось пойти в туалет и надеть последнюю пару чистых брюк. Минни заявила, что ей понадобится больше времени для того, чтобы увидеть во всем этом смешную сторону.

Они пытались устроиться поудобнее на полу, положив под головы рюкзаки, а вокруг сияли огни вечно бодрствующего аэропорта. В три ночи Лейла толкнула Минни ногой:

– Эй, ты не спишь?

– Нет, – вздохнула Минни.

– Я вчера тебя не спросила... где бы ты хотела очутиться в это же время в следующем году?

Обычный новогодний ритуал Лейлы. Ей нравилось задавать этот вопрос и себе, и тем, кто был с ней: где бы они хотели оказаться в это же время через год?

– Только не на полу аэропорта с кучей блох, – ответила Минни.

– Я серьезно. Куда бы ты хотела попасть? Чего бы ты хотела достичь к двадцать седьмому дню рождения?

Минни снова вздохнула, потакая подруге:

– Наверное, мне хотелось бы больше не грустить из-за того, что Тарек от меня ушел.

– Ох, Минни, стоит ли тратить такое желание на какого-то Тарека? Что еще?

– Хотелось бы иметь работу, которая хотя бы немного мне нравилась. И хотя бы время от времени иметь возможность покупать чай «Теско», а не самый дешевый... Ну ты ведь меня знаешь... я девушка с огромными амбициями, – невесело произнесла Минни.

– Минни, у меня есть отличная идея, – заявила Лейла, передвигаясь по полу и наконец сядя поближе к Минни. – Нам с тобой следует начать свое дело.

– И какое? Контрабандой ввозить в Индию сексуальные игрушки?

– Нет, нам нужно печь пироги для нуждающихся. Ты займешься пирогами, а я найду благотворительные организации для финансирования. – (Минни посмотрела на подругу, проверяя, насколько та серьезна.) – Да, Минни, твои пироги потрясающие! Ты для меня Королева Пирогов! Тебе просто нужен кто-то для команды, чтобы ты приобрела уверенность!

– Королева Пирогов... это напоминает кого-то очень толстого, – сказала Минни, но почувствовала, что ее сердце забилося быстрее.

– Ты будешь их печь, и мы воспользуемся моими связями в социальных службах, чтобы доставлять их тем, кто нуждается... Ну вроде кухни на колесах или чего-то в этом роде. Уверена, я найду деньги. Это же будет новая инициатива в области небольшой благотворительности. Ох, ох... – Лейла взмахнула кулаком, как бы подтверждая свои слова. – И мы сможем нанять людей, которым нужна передышка в жизни... Вот это мысль!

– Ты хочешь, чтобы мы организовали кухню на колесах? – уточнила Минни, глядя на подругу так, словно та предлагала ей создать бизнес по гаражным распродажам термобелья.

– Да ты подумай, это вовсе не безумная идея! Полагаю, ты просто растеряла свою страсть к кулинарии, слишком долго готовя для всяких богатеньких и неблагодарных клиентов. Представь, что ты готовишь то, что тебе нравится, и для людей, которые действительно это оценят? И как будет весело целыми днями работать вместе! Мы просто будем делать хорошее дело, отвозить вкусные вещи людям, которые не могут ходить по магазинам, или тем, кто просто не в силах уже готовить. «Пироги с доставкой», или «Летающие пироги», или «Привет, Вкусный Пирог»?

Минни помолчала немного.

– Ладно.

– Ладно? – повторила Лейла, словно согласие Минни ее удивило.

– Да, давай это сделаем, только не под такими названиями, – сказала Минни. – Я уже придумала идеальный вариант.

Второе января 2020 года

Кухня «Ничего трудного» находилась в восточной части Лондона, на неприметной боковой улочке в Далстоне. Это была та часть города, куда еще не добралась идея облагораживания, здесь закусовые красовались рядом с похоронными агентствами и заброшенными магазинами пластинок. На фасаде красовалась надпись «Дворец тандыра», подчеркнутая полосками зеленой краски. Раньше в этом доме был какой-то индийский ресторан, но у Минни с Лейлой пока не было денег даже на то, чтобы по-настоящему изменить вывеску. Но они сочли это чем-то вроде доброго знака: они вернулись из Индии с новыми планами и тут же нашли заброшенный индийский ресторан, предлагавший им шанс получить его в аренду.

– Надеюсь, вам, девочки, повезет здесь больше, чем нам, – уныло сказала миссис Мохан, помогая им освободить все ящики и буфеты. – Но уж лучше вы, чем еще один KFC или «Цыпленок пири-пири».

Четыре года спустя на стальной дверце холодильника по-прежнему висела фотография семьи Мохан. Девушки нашли ее уже после того, как перебрались сюда, и у них не хватило духу выбросить последнее свидетельство тяжелого семейного труда.

По пути на работу Минни купила кофе на всю команду. Вообще-то, она не могла себе этого позволить, но подумала, что все нуждаются в моральной поддержке. Она проснулась в два часа ночи, чувствуя себя пьяноватой и неуверенной, потом отпраздновала оставшуюся часть дня своего рождения, приготовив огромный испанский омлет с весьма подозрительным набором ингредиентов, найденных в холодильнике. Рано утром она слушала музыку и прибиралась, а Лаки с подозрением наблюдал за ней со своего теплого местечка на холодильнике.

Теперь было уже второе января – любимый день года для Минни, день, от которого оставалось максимальное время до ее следующего дня рождения. И потому, несмотря на все, что случилось накануне, она весьма бодро отправилась на работу. Утром Грег уже пытался позвонить ей. Она не ответила; она ехала в автобусе и просто не хотела портить себе настроение спорами. Грег мог быть весьма необщительным, когда его это устраивало. Если он писал большую статью, то мог несколько дней не подавать о себе никаких вестей. Возможно, ему пошло бы на пользу, если бы и Минни вдруг оказалась не слишком доступной.

– Я принесла кофе! – крикнула она, врываясь в дверь, и старомодный колокольчик над ней звякнул.

– О, ты просто чудо! – заявил Алан, беря один стакан.

– Алан, спасибо, что приняли нас в канун Нового года, мы оба прекрасно провели время!

– Всегда к вашим услугам, – поклонился Алан.

Алан, их водитель, развозивший заказы, был высоким худым мужчиной за пятьдесят, с постоянно кривящимися губами. Он обладал бледной нездоровой кожей и широко расставленными кошачьими глазами с тяжелыми веками. При взгляде на него Минни часто думала о каком-нибудь поэте XVIII века с измученной душой. Раньше Алан был капитаном речных судов, но какой-то несчастный случай с якорем превратил его в «сухопутного увальня». Никто не знал, что это было за несчастье или как именно пострадал Алан. Он не любил об этом говорить.

– А ты принесла что-нибудь без молока? – спросила Флер, быстро оглядываясь.

– Нет, увы, только капучино, причем с коровьим молоком, – выразила сожаление Минни.

Флер вздохнула, но тем не менее протянула руку к одному из стаканов. Флер сидела у них на телефоне. Ей было двадцать два, и она увлекалась разными диетами. Сегодня шел второй день веганства. С изящной длинной шеей и почти белыми волосами Флер напоминала прекрасного высокомерного лебедя, и казалось, что она зашипит, если вы подойдете слишком близко.

Флер пришла к ним два года назад. Тогда здесь работали только Лейла и Минни, но бизнес начал разворачиваться, и им понадобилась помощь с приемом заказов. Флер явилась на собеседование с собственным предложением. Она объяснила, что учится на курсах программистов, но не может заниматься этим дома, так как ее мать уверена, что от Интернета у людей начинается астма, а потому ни за что не позволит установить у них дома Wi-Fi-роутер. Флер сказала, что готова работать четыре дня в неделю, но они могут платить ей только за три, если позволят в свободное время выполнять учебные задания.

Они дали девушке работу, потому что звучало это неплохо. Но позже Минни гадала, имелось ли хоть слово правды во всей этой истории о матери Флер и учебе. Флер никогда не упоминала о своих родителях, никогда не спешила домой и два года спустя все еще училась на шестимесячных курсах программистов. Лейла предполагала, что на самом деле Флер – одна из гламурных лондонских побродяжек, которой просто хотелось сидеть где-нибудь в тепле и рыться в социальных сетях.

– Лейла уже пришла? – спросила Минни.

– Нет, – ответила Флер, снимая крышку со своего стакана и заглядывая в него с таким видом, словно надеялась обнаружить все-таки не коровье, а соевое молоко. – Ох, а у нас тут случилась каа-та-строо-фа.

– Что? – Минни обернулась к ней. – Какая катастрофа?

– Беверли сожгла пироги. – Флер медленно, изящно пожала плечами.

– Не может быть!

Минни бросилась мимо стойки администратора в кухню в глубине помещения.

Беверли, красная как рак, в белом поварском халате, склонялась над рабочим столом, заваленным пирогами. Они играли темными красками, от серо-коричневого цвета до угольно-черного. Минни разинула рот, грохнула поднос с кофе на стол и окинула взглядом картину разорения.

– Что случилось? – тихо спросила она.

– Я думаю, вот эти еще можно спасти, – пробормотала Беверли, показывая на левую сторону прилавка.

Беверли было пятьдесят девять, но выглядела она старше из-за красноватой кожи и мягкого лица с дряблым подбородком.

– Как... как ты сумела сжечь сразу так много? – спросила Минни, недоверчиво качая головой.

По крайней мере тридцать из сорока пирогов, лежавших перед ней, продать было нельзя.

– Я пришла рано, и тут сразу началось... – Глаза Беверли расширились от раскаяния, курчавые черные волосы выбились из-под сеточки, придавая ей вид безумного профессора. – Мы с плитой не могли договориться...

– Это те самые пироги, на которые Лейла потратила весь день перед Новым годом? – Минни пододвинула железный барный табурет к большому стальному прилавку, взяла сторевавший пирог, и черное тесто рассыпалось у нее в руках. – Что случилось с таймером, который мы тебе купили? Пироги должны стоять в духовке ровно сорок две минуты.

– Мы с таймером друг с другом не ладим... – Беверли вздохнула, убирая с глаз непокорную прядь волос.

Минни села, обхватив голову руками. Нет, второе января не должно было начаться вот так.

– Прости, Минни, – с несчастным видом произнесла Беверли. – Я не понимаю, что со мной происходит в последнее время. То я здесь, работаю, а то вдруг мои мысли улетают куда-то, и двадцать минут проносятся как секунды.

– У нее жизненный кризис, – заявил Алан, переминаясь с ноги на ногу. – Ну, вопросы вроде: зачем я здесь? Зачем вообще все это? Неужели пироги – смысл существования? И – упс! – кухня уже горит!

Беверли хлопнула Алана чайным полотенцем.

– Минни, тебе кто-то звонил, – сообщила Флер, вытягивая длинную шею из-за стойки администратора. – Что-то насчет уменьшения...

– Есть изменения в сегодняшних заказах? – спросила Минни.

– Я точно не помню.

– Флер, мы уже говорили об этом. Ты должна записывать все сообщения... иначе тебе просто нет смысла сидеть здесь.

Флер закатила глаза и вернулась к своему телефону, прихлебывая неправильный капучино.

– Я испеку новые, – засопела Беверли. – Ты можешь вычесть стоимость ингредиентов из моего жалованья. Мне очень жаль, Минни.

Минни глянула на свои часы. Им нужно было испечь, упаковать и доставить в разные части Лондона сорок пять пирогов до второй половины дня. Непростая задача.

– Нет, не говори глупостей, Бев! Перестань, нет смысла теперь плакать, – сказала она, похлопав Беверли по спине. – Лучше возьмемся за дело.

Минни закатала рукава, надела фартук и сеточку для волос и принялась за работу. Ей нравилось печь. Занимаясь этим, она чувствовала себя совсем спокойно. Она часто слышала рассуждения о том, что полезно бездумно отдаваться моменту; и для нее заниматься тестом как раз и было тем самым. Она легко сосредоточивалась на деле, позволяя своему уму отвлечься от обычного мысленного шума сожалений и тревог. А вот Беверли явно сейчас не находила успокоения в работе. Минни уже подумывала, не следует ли подсказать Беверли, что нужно кое к кому обратиться по поводу такой рассеянности. Все началось несколько недель назад, и все это заметили. Не то чтобы Беверли стала забывчивой, скорее ее ум на какое-то время выключался.

Лейла пришла как раз тогда, когда Минни и Беверли уже превращали все ингредиенты в огромный шар теста на центральном стальном столе.

– Что тут происходит? Почему вы месите тесто? – удивилась Лейла, быстро поглядывая по очереди на Алана, Беверли и Минни.

– Беверли сожгла пироги, – пояснил Алан, переминаясь с ноги на ногу.

– Черт побери, Беверли! – воскликнула Лейла, с силой хлопая ладонью по столу.

Алан испуганно подпрыгнул. Беверли всхлипнула и закрыла глаза.

– Спокойно, спокойно, все в порядке, просто у нее неудачный день, – поспешила сказать Минни, поглаживая Беверли по спине перепачканной в муке ладонью. – Мы сделаем еще, все нормально. – И она многозначительно посмотрела на Лейлу.

– Ничего не в порядке, – вздохнула Лейла. – Я потратила весь канун Нового года, лепя эти пироги. А ты... – Она ткнула пальцем в сторону Минни. – Что с тобой вчера случилось? Я тебе звонила в дверь сто лет подряд, мисс Чертова Мигрень!

– Когда Лейла злится, она мне не нравится, – сообщил Алан, сутулясь и морщась, как обиженный ребенок.

– Яркая Радуга в воинственном настроении, – заявила Флер, появляясь в дверях кухни.

– А что вчера случилось? – спросил Алан.

– Кстати, с днем рождения, Минни, – сказала Беверли, смахивая слезы. – Хорошо провела время?

– Ничего хорошего, – заявила Лейла, опираясь обеими руками о прилавок. – Спряталась в своей квартире, делая вид, что у нее мигрень, не захотела видеть лучшую подругу!

– Я не притворялась, у меня была мигрень, – возразила Минни, ударив кулаком по тесту.

– О-о, мне так нравится, когда мои мамочки ссорятся! – пропела от двери кухни Флер, размахивая руками, как капитан команды болельщиков.

– Это не слишком по-взрослому, а, Минни? – поинтересовалась Лейла, не обращая внимания на Флер. – Этот страх перед первым января становится просто глупым!

– Ничего глупого, и у меня *действительно* болела голова, ясно? – сердито бросила Минни, хватая ком теста и с силой швыряя его на стол.

Все промолчали. От удара теста о стол помещение дрогнуло.

– Антракт! Перерыв! Я включу какую-нибудь музыку, – сказала Флер и, взметнув белыми волосами, вернулась на место администратора.

Лейла надела фартук и мрачно глянула на ряд сгоревших пирогов, которые Беверли перенесла на стол у дальней стены кухни.

– Полагаю, нам не спасти даже начинку? – вздохнула она. – Ладно, Бев, помоги мне убрать подальше это несчастье.

Десять минут спустя, когда полностью сгоревшие пироги оказались в мусорном баке, а в кухне остался лишь запах горелого теста, все слегка расслабились. Они организовали настоящий конвейер: Алан и Минни раскладывали тесто в новые формы, а Беверли и Лейла занимались начинкой. Флер подбирала бодрые песенки, и все, даже Алан, подпевали «Lady Marmalade» Кристины Агилеры. Если в чем-то Флер и была хороша, так это в поисках правильного саундтрека для подъема общего настроения.

– А Похититель Имени еще не объявлялся? – спросила Лейла, когда они с Минни столкнулись у раковины.

Лейла оттаяла, но Минни знала, что подруга еще не простила ей вчерашний день.

– Кто такой Похититель Имени? – спросила Бев.

– Перед Новым годом Минни познакомилась с тем человеком, который родился в одной больнице с ней в одно и то же время, – пояснила Лейла. – Разве не странно?

– Если точно, то на одну минуту раньше меня, – сказала Минни.

– Мама Минни хотела назвать ее Квинн, но мама этого типа сперла ее идею, так что Минни в итоге оказалась Минни, – сообщила Лейла.

– Квинн Купер... – Флер произнесла это вслух. – Прекрасно звучит. А вот Минни Купер – ужасно. Без обид.

Начинка закончилась, и Минни занялась другими делами. Флер приглушила музыку и воткнула в волосы последнюю шпильку. Пока другие работали, Флер трудилась над своей затейливой прической, заплетая на висках аккуратные косички. Она выглядела как одна из героинь «Игры престолов».

– Весьма романтично, – сказала Лейла. – Минни и роковой Похититель Имени воссоединились через тридцать лет... Двойняшки, разделенные при рождении... Им было суждено снова найти друг друга, несмотря на все преграды. – Она театрально прижала руки к груди.

Все засмеялись, кроме Минни.

– Какие, к черту, двойняшки? Что за ерунда! – покачала она головой.

Но, хотя она и хмурилась, втайне была довольна. Лейла принялась поддразнивать ее, а значит, простила.

– В этом должно что-то быть! Вы как те, кто родился под знаком Близнецов, вы родственные души! – решила Флер. – А ты дала ему свой телефон?

Свидания были одной из любимых тем Флер. Она знала все обо всех. Но говорила, что учится, так что ей самой не до поисков пары по гороскопу.

– Я сказала, что он может найти меня в социальных сетях, если захочет, – ответила Минни, старательно изображая безразличие. – Но уверена, что он не станет этого делать, с какой стати? У него есть подруга... – А потом, после паузы, добавила: – И у меня есть парень. Эй, что ты делаешь с моим телефоном?

Оглянувшись, Минни увидела, что Лейла что-то ищет в ее телефоне.

– Ты сменила картинку на своей страничке в Facebook. – Лейла хитро усмехнулась. – И к чему бы это? Ты вообще никогда туда не заглядываешь!

– Ну, новый год, новая фотография... Я могу менять фото, когда мне вздумается.

Минни покраснела и отвернулась, спрятав лицо в холодильнике, словно что-то там ищет.

– Это не новое фото, ему уже четыре года. – Лейла показала телефон Флер. – Видишь? Она поставила снимок из Индии, она тут загорелая и сексуальная!

– Отдай! – рявкнула Минни, отходя от холодильника и бросаясь через кухню с протянутой рукой.

– А ты отлично тут выглядишь! – Флер одобрительно кивнула. – Если хочешь, чтобы я поместила тебя на сайт свиданий, это фото в самый раз. Ты тут молодая, стройная и немножко глуповатая... Парням такие нравятся.

– Спасибо, Флер, но я вполне счастлива с Грегом, – обиженно произнесла Минни.

Она забрала телефон, демонстративно не проверяя сообщения, и решительно сунула его в карман фартука. И вернулась к делу. Остальные так и стояли, глядя на нее.

– Эй, ребята, хватит таращиться! У нас очень мало времени, если вы вдруг этого не заметили. Нужно выполнить сорок заказов, все испечь и доставить сегодня, а если мы не получим денег, ни у кого из нас завтра не будет работы. Так что...

Все затихли. Беверли уронила жестяную форму для пирога, та со звоном упала на пол и покатилась по кремовым кафельным плиткам. Телефон в кармане Минни громко зазвонил. Она поймала взгляд Лейлы и отвернулась ото всех, чтобы посмотреть, кто это. Это было сообщение в Messenger от Квинна Хэмилтона. Минни открыла сообщение.

Минни, я надеюсь, это именно ты – девушка Первое Января. Можешь позвонить мне? Мне бы хотелось кое-что обсудить. Квинн.

В конце был прикреплен номер его телефона.

Минни ощутила, как запылали щеки; он выследил ее. Но она почувствовала облегчение, как будто все раздувавшийся пузырь ожидания, свяжется он с ней или нет, наконец лопнул.

– От кого это сообщение? – спросила Лейла, ее глаза впились в Минни, стараясь обнаружить подозрительный румянец смущения.

– Ни от кого, – ответила Минни, пряча телефон в карман фартука. – Ладно, начинаем печь эту партию.

Минни хлопнула в ладоши, создав облачко муки и обрывая тем самым расспросы подруги. Лейла поставила первый поднос с пирогами в печь, Беверли потела над таймером, а Алан ушел подогнать ко входу фургон. Флер посмотрела на свой телефон – и тут же сделала селфи с новой прической в разных позах.

– Ой, Минни, забыла сказать, мне в следующий вторник нужен выходной! – сообщила она, снова закрывая и убирая телефон. – Мой кузен знаком с Тарантино и занимается исследованием историй призраков в подземке Лондона, а Тарантино сейчас в Лондоне, у него новая идея для фильма. А я как раз тоже над этим работаю, так что обещала ему помочь, показать кое-какие из самых зловещих мест. Конечно, это сверхскупно, но... – Флер возвела взгляд к потолку.

– Хорошо, – пробормотала Минни.

Ей сегодня было не до фантазий Флер, которая постоянно выдумывала самые нелепые предлоги для того, чтобы взять выходной. Могла бы просто сказать: «Мне нужно к дантисту».

Через несколько минут Алан вернулся в кухню, нервно сжимая кулаки и кривя губы.

– У нас еще одна проблема, – сказал он, открывая и закрывая рот, как золотая рыбка.

– Что еще? – закричала Лейла.

– Фургон арестовали.

– Да ты шутишь? – устало произнесла Минни. – Где ты его поставил?

– На двойной желтой полосе, – мрачно ответил Алан. – Но это же не считается в нерабочие дни, тогда действует парковочная амнистия.

– Во-первых, всегда считается. Во-вторых, сегодня не общий выходной! – Минни в отчаянии закрыла глаза.

– Ох... – выдохнул Алан, и его губы превратились в длинную горестную линию.

Ну как все это могло случиться второго января? Может быть, дух ее проклятия узнал, что она пыталась его надуть, проспав весь свой день рождения? Может, неудачи перешли в итоге на следующий день? Минни немножко подумала. Она знала только одного человека, у которого можно было бы вот так сразу одолжить машину. Минни вышла на улицу, чтобы ее никто не слышал, и позвонила.

– Грег? – вопросительно произнесла она, когда он ответил.

– Наконец-то! – Голос звучал тихо. – Что это за мигрень такая, что ты даже на звонки не отвечала? Неужели так плохо?

– Теперь уже лучше, спасибо. – Минни помолчала. – А как вечеринка, которую я пропустила из-за того, что оказалась запертой в туалете и никто не пришел на выручку?

– Откуда мне было знать, что ты где-то застряла? Кто-то из официантов сказал, что видел, как ты уходила. Я пробежался по улице в одну сторону, в другую, искал тебя с полчаса, не меньше. В общем, вечер пропал.

– С чего бы мне уходить, ничего тебе не сказав?

– Ну я подумал, это вроде твоей паранойи проклятия. Минни, я вообще не понимаю половины того, что ты делаешь. – Грег помолчал. – Я хочу сказать, если бы ты держала телефон всегда заряженным...

– Я никуда не уходила, я просидела в туалете всю ночь!

Минни глубоко вдохнула, усмиряя раздражение и напоминая себе, что звонит Грегу, чтобы попросить его об услуге.

– Послушай, мне очень жаль, что вечеринка превратилась в несчастье. Ты сейчас дома? У меня на работе суший кошмар. Пожалуйста, можешь одолжить мне свою машину?

– Нет, Минни, ты не можешь взять мою машину...

Голос Грега звучал сердито. В телефоне что-то зашумело, как в блендере, а потом все затихло. Он что, отключился? Или просто связь прервалась? Минни ткнула в клавиатуру, пытаясь ему перезвонить. Грег, вообще-то, не любил, когда ему надоедали звонками... Может, он и в самом деле ее искал... но как бы то ни было, прямо сейчас Минни следовало придавить свою гордость и продолжить разговор ради сегодняшних пирогов. Похоже, нелады были именно с ее телефоном... Минни уже начала потеть, отчаянно повторяя вызов, и наконец звонок прошел.

– Аллю, – произнес он.

– Послушай, мне очень жаль, если ты злишься из-за вечеринки, – быстро заговорила Минни, – но я же совсем не нарочно застряла в туалете, так? А теперь у меня сорок пирогов, которые нужно развезти по всему Лондону, а Алан умудрился подставить наш фургон под арест, и нам не на чем их возить, а ты единственный, кого я знаю и у кого есть машина. Ну пожалуйста, дай ее на денек, а уж потом мы со всем разберемся? – Она помолчала, прикидывая, что ей придется сделать для компенсации. – Ну, может, снова оденусь как медсестра дантиста, я же знаю, как тебе это нравится. По пути домой могу купить несколько новых зубных щеток и карточек для записей на прием, хочешь?

Минни закрыла глаза, желая, чтобы Грег смягчился.

– Минни? – произнес он, но голос уже совсем не походил на голос Грега.

Минни посмотрела на экран телефона и увидела незнакомый номер.

– Грег? – осторожно спросила она.

– Нет. Это Квинн. Квинн Хэмилтон.

Минни застыла, не зная, то ли отключить телефон, то ли швырнуть его через улицу, как кусок раскаленного угля, обжегшего ее ладонь. И как это она умудрилась позвонить Квинну Хэмилтону?!

– Ох черт, прошу прощения! – пробормотала она, прижимая телефон к уху и закрывая глаза. – Не знаю, каким образом набрала твой номер, я пыталась дозвониться до другого человека.

Должно быть, она как-то щелкнула по сообщению в Facebook, когда разговор прервался.

– Я понял, – ответил Квинн. – Значит, ты получила мое сообщение?

– Э-э-э... ну да...

Минни так и стояла с закрытыми глазами. Она же предполагала отложить их разговор на несколько дней...

– И тебе нужна машина? – спросил Квинн.

– Нет! – резко качнула головой Минни. – То есть да. Прости, я действительно не понимаю, как умудрилась позвонить именно тебе. Должно быть, мой телефон сам за меня решает.

– Но у меня есть машина, которую ты можешь взять, – сказал Квинн.

– Нет, честно, мне твоя машина не нужна, я могу взять у своего друга... – Она помолчала. – Но все равно спасибо, ты очень добр.

– Ну, если ты возьмешь машину Грегга, то придется покупать новые зубные щетки, а это звучит... – Его голос слегка надломился. – А это, похоже, дело нелегкое.

Минни скрестила пальцы на свободной руке, съежившись всем телом.

– Честно, Минни, – продолжил Квинн, – я был бы рад помочь. Позволь узнать, где ты находишься, и я подгоню тебе машину. Считаю это небольшим возмещением за кражу твоего имени.

Минни вернулась в кухню с ошеломленным видом.

– Грегг дает машину? – спросила Лейла, укладывая пироги в плоские коробки.

– Нет... – Минни смотрела в пространство, все еще не придя в себя. – Машину дает Квинн Хэмилтон.

Канун Нового, 2016 года

Квинн решил заказать частный обед на пляже. Он колебался, не зная, предпочесть пакет «Романтический обед» или «Годовщина». В услуги входили скрипач, официант или беседка у самой воды «с дополнительными развлечениями», что бы это ни означало. Ну почему стало так сложно просто что-то съесть? Квинн наконец выбрал основной пакет «Романтического обеда» без дополнений – пусть все будет попроще.

В течение дня служащие отеля бегали на пляж перед их виллой и обратно, организовывая все. Джайя провела весь день в спа-салоне. Когда она вернулась, Квинн закрыл жалюзи на вилле, пока она переодевалась, чтобы задуманный им обед стал сюрпризом. Когда он вывел Джайю наружу, то увидел, как постарались служащие. Цепочка бумажных фонариков освещала дорожку через пляж к одинокому столу, накрытому белой скатертью. И вокруг него тоже кольцом выстроились воткнутые в песок фонари на солнечных батарейках, создавая на песке некий островок, а между столбиками фонарей висели мерцающие гирлянды белых цветов.

Джайя задохнулась:

– Ох, Квинн, как это романтично!

– Это отель устроил, – ответил Квинн, не слишком довольный нарочитой показухой.

Они вышли через раздвижную дверь на пляж, и Джайя остановилась, чтобы снять туфли на высоком каблучке. Квинн надел темно-голубой льняной костюм, а на Джайе было вечернее платье из зеленого шелка, которое он купил ей во время пересадки в Мюнхене. Выглядела она прекрасно: платье прилегало к ее телу в нужных местах, и она провела несколько часов в спа-салоне отеля, укладывая волосы и делая еще что-то, о чем Квинну очень быстро наскучило слушать.

Квинн обнял ее за талию и, подведя к столу, выдвинул белый, обтянутый хлопковой тканью стул, на спинке которого красовался розовый бант. Бант был слегка потрепанным, и Квинн мельком подумал, сколько таких вот «Романтических обедов» видела эта лента.

Идея отправиться в отпуск в Индию принадлежала Джайе. Ей хотелось повидать своих родных в Мумбаи, и она убедила Квинна поехать с ней, пообещав в конце поездки неделю на пляже в Гоа. С одной стороны, их путешествие выглядело удачным. Родные Джайи принимали Квинна как некую знаменитость, перед ним прошел целый парад разных двоюродных братьев и сестер и тетушек, которым хотелось познакомиться с «человеком из Кембриджского университета». А теперь они с Джайей остановились в самом роскошном из отелей, в каких только бывал Квинн или за какие платил. Джайя была услужливой спутницей и ненасытной, как всегда. Квинн никому не признался бы в этом, но прошлой ночью он подумал, всего разок, что они могли бы и просто посмотреть какой-нибудь фильм, а не заниматься сексом четыре раза подряд.

Положительной стороной было то, что Джайя так увлеклась изучением всех возможностей отеля, что у Квинна оставалось много времени для себя. Для него было облегчением оказаться вдали от дома, и он не мог в любую минуту кому-нибудь понадобиться, ему не звонили посреди ночи. Лишь очутившись здесь, он смог понять, насколько утомительной была жизнь в состоянии постоянной готовности.

Но ему было и не по себе, что он уехал надолго, тем более под Рождество. Мать заверила его, что все будет хорошо. К ней приехала сестра из Америки; тетя Патриция была из тех немногих, кому можно было доверять.

– Ох, посмотри, как чудесно! – Джайя улыбнулась, сморщив нос. – Они сложили салфетки в форме сердечек, разве это не мило?

– Мило, – согласился Квинн, резким движением встряхивая свое «сердечко».

– Все идеально для особенного вечера, – продолжила Джайя, наклоняясь к нему и касаясь его руки.

Ее темно-карие глаза заглянули в глаза Квинна. Глядя на нее через стол, Квинн заметил, что каждый волосок ее бровей идеально уложен параллельно остальным.

В холодный снежный ноябрьский день в Кембридже, когда Джайя предложила провести новогодние каникулы на солнце, ей легко удалось убедить Квинна. В особенности притом что он знал о приезде тетушки, а это давало ему одну из редких возможностей куда-нибудь поехать. Но, по мере того как путешествие продолжалось и Квинна представляли все новым и новым родственникам Джайи, он начал беспокоиться, не означает ли для Джайи «знакомство с семьей» больше, чем он предполагал. Они встречались всего несколько месяцев, и ему не хотелось, чтобы в голове Джайи родились напрасные надежды.

Она улыбнулась ему через стол. Квинн видел, что она нанесла косметику, которую приберегала для торжественных выходов; золотая пудра заставляла ее щеки светиться. И грудь в глубоком декольте тоже сияла. Квинну вдруг захотелось подхватить Джайю на руки, побежать к морю и вместе с ней с головой окунуться в воду. Джайя не любила, когда ее волосы намокали. Квинн усмехнулся, подумав, как бы она разозлилась.

– Сделаешь? – спросила Джайя, доставая свой телефон и протягивая его Квинну.

Он послушно сделал четыре снимка под самыми выгодными для Джайи углами. Меньше четырех фотографий зараз она просто не признавала.

– Спасибо, милый, а когда подойдет официант, я попрошу его снять нас вместе, – сказала она, кладя телефон на стол рядом с вилок.

У Джайи было множество поклонников в социальных сетях, и она регулярно посвящала их в подробности своей жизни. Квинн заметил, что она помещает на свою страничку особенно много снимков в те дни, когда пользуется золотой пудрой. У Квинна такой странички не было до тех пор, пока он не приехал в Кембридж получать ученую степень. Именно Джайя убедила его в необходимости завести такую страничку. Ей нравилось вывешивать там их совместные фотографии с комментариями типа: «Пусть все знают, что он для меня – целый мир!» Джайя очень беспокоилась, что без этого Квинн может и не уловить ее эмоций.

– Квинни, эти каникулы были просто волшебными! – воскликнула Джайя, глядя на море, где солнце постепенно погружалось в облака. – Не будет ли эгоистичным с моей стороны сказать, что было прекрасно оставаться с тобой наедине так долго?

– Мне тоже понравилось, – кивнул Квинн, беря меню. – Эй, тут у них есть разные пряные штучки, которые ты любишь, может, заказать сразу тонну?

– Потому что в Кембридже ты иногда... ну не пойми меня неправильно, но там ты иногда кажешься немного рассеянным, – сказала Джайя, беря нож и всматриваясь в свое отражение в его лезвии.

– Хм... – неопределенно промычал Квинн.

Ему хотелось утром увидеть рассвет, и он присматривал место, откуда это было бы лучше всего сделать. Он бы встал пораньше и сказал, что хочет пробежаться. Ему нравилось оставаться одному в утро первого рассвета года.

Из отеля пришел официант, невысокий, в безупречно-белой рубашке, черных брюках и пурпурном жилете с эмблемами отеля, поставил на стол корзинку с индийскими лепешками, завернутыми в салфетку, и изящный кувшин с йогуртом, а потом подал Квинну винную карту. Джайя спросила официанта, не может ли он сфотографировать их с Квинном. Официант вежливо кивнул, взял телефон Джайи, сделал один снимок и хотел вернуть телефон. Квинн быстро качнул головой, пытаясь предупредить его, а Джайя уже принялась объяснять принципы композиции и освещения. И не отпускала официанта, пока не проверила снимки, а потом велела ему снимать снова и снова, под более выгодными углами.

– Слишком мал ростом, – отпустив наконец бедолагу, прошептала она Квинну. – Никогда не получишь хороших кадров, если их делает коротышка. Может, повезет, когда подадут вино?

Квинн подумал, сколько часов своей жизни он провел бы, позируя перед камерами, останься они с Джайей вместе.

– Ну что, я наконец познакомлюсь с твоей матушкой, когда мы вернемся в Англию? – спросила Джайя, поглаживая свои руки и привлекая внимание к свежему маникюру. – Матерям я нравлюсь, ты сам знаешь, я умею с ними обходиться.

– Ох, не знаю, сомневаюсь, что найдется время, в особенности если тебе захочется заняться шопингом на Оксфорд-стрит. Ты же помнишь, что начинаются распродажи?

Джайя помолчала, устремив взгляд в пространство. Он сбил ее с толку, упомянув о распродажах, но она быстро встряхнула головой, возвращаясь к теме.

– Разве она не интересуется мной? – спросила Джайя, наклоняя голову набок и проводя рукой по волосам. – Я бы наверняка захотела познакомиться с девушкой, захватившей все время и внимание моего сына. – Квинн не ответил, и Джайя слегка надулась. – Ты что, не хочешь меня с ней знакомить? Все это время ты уносишься в Лондон по первому зову и ни разу не взял меня с собой.

Квинн вообще ни слова не сказал матери о Джайе. Он соврал, что едет в Индию с друзьями. Квинн уткнулся в винную карту, и рядом мгновенно возник другой официант.

– О, этот намного лучше, – заявила Джайя, поведя бровями в сторону Квинна и окидывая взглядом официанта, чтобы оценить его рост, затем протянула руку и коснулась запястья Квинна. – Ты ведь не обидишь их чаевыми, да? – Квинн поднял голову и увидел, что Джайя пристально смотрит на него. – Он должен сделать фото, когда вернется. Момент слишком хорош, его стоит запечатлеть. Жаль было бы упустить возможность.

Она прищурила глаза, словно пытаясь передать ему что-то по секрету. Темные брови Квинна недоуменно сдвинулись, потом он опомнился и заказал безумно дорогую бутылку «Мерсо». Цены на импорт здесь были запредельными, но ведь это их последний обед перед отъездом. Закрыв винную карту, Квинн посмотрел на Джайю и увидел, как она поглаживает свои надушенные руки... и тут до него дошло.

Нет.

С чего ей это взбрело в голову? Нет, не может она и в самом деле ожидать... Они встречаются несколько месяцев. *Какого черта ей это пришло на ум?! Ну... может, он ошибается...* Должно быть, ошибается. Конечно ошибается! Но он посмотрел в улыбающиеся глаза Джайи и понял: нет, не ошибается. Она уверена, что он готов сделать ей предложение.

Официант кивнул и ушел. Квинн почувствовал, что ему вдруг стало жарко, и неловко дернул свой воротник. Ему следовало раньше с этим покончить; он ведь и не думал затягивать их отношения. Как он довел до такого? Обычно подруги держались у него полгода; никто особенно не огорчится, если вы расстанетесь примерно через шесть месяцев. А теперь ему нужно выдержать приторный романтический вечер, с розовым полиэстеровым бантиком на спинке стула, зная, что Джайя ожидает появления маленькой коробочки, не указанной в меню.

Его взгляд метнулся к пляжу. Квинн увидел тощего пса, трусившего вдоль воды в их сторону. Это была бело-серая дворняжка с обрубком хвоста, слегка хромавшая на заднюю лапу.

– Ой, посмотри, какой забавный пес! – воскликнул он, и его голос прозвучал выше, чем когда-либо.

Джайя повернулась в ту сторону:

– Квинн, нет! Это же грязная дворняга! Не обращай на нее внимания, или она не оставит нас в покое! – нахмурилась она.

– Бедолага выглядит голодным. – Квинн щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание пса.

– Квинн! – Джайя под столом ударила его ногой по лодыжке. – Не надо!

Квинн протянул псу кусок лепешки. Пес подошел ближе, вежливо взял лепешку, а потом благодарно лизнул руку Квинна.

– Воспитанный парнишка, – одобрительно произнес Квинн, нежно почесывая пса за ухом. – Когда ты в последний раз ел, приятель?

– Неужели отель не в состоянии от такого избавиться?! – резко произнесла Джайя. – Им это не на пользу.

Подстегнутый гневом Джайи и благодарностью пса, Квинн протянул ему еще кусок. Хотя пес был облезлым и тощим, морда у него была дружелюбная, и он нежно ткнулся носом в руку Квинна.

– Он должен быть чьим-то... Он такой домашний, – сказал Квинн.

– Он просто узнает простофиль, когда их видит. Правда, Квинн, я серьезно! Не хочу, чтобы эта тварь болталась рядом с нашим обедом или со мной. Позови официанта, пусть прогонит его. – Джайя надула губки, скрестив руки перед золоченым декольте.

– Ладно, я отведу его туда, откуда он пришел. – Квинн вскочил и бросил салфетку на стул. – Он наверняка живет в какой-нибудь хижине на берегу, за теми пальмами. А ты расслабься, любуйся пейзажем. Я скоро вернусь.

И прежде, чем Джайя успела ответить, Квинн подхватил пса на руки и быстро пошел по пляжу, глубоко вдыхая морской воздух – запах свободы. Но тут же его кольнуло чувство вины, напоминая, что пес дал ему лишь временную передышку. Ему придется вернуться обратно, выдержать обед... Но не сейчас, не в эту минуту. Когда Квинн отошел достаточно далеко, он прижался лицом к голове пса и прошептал:

– Я перед тобой в долгу, приятель. Пойдем поищем тебе настоящей еды.

Второе января 2020 года

Квинн сказал, что будет в Далстоне через тридцать минут. Он не дал Минни шанса возразить, и, прежде чем успела это понять, она уже отчаянно пыталась закончить приготовление всех пирогов, одновременно стараясь придать себе чуть более приличный вид, чтобы не выглядеть как женщина, подающая обед в школе, да еще и с сеточкой на голове.

– У тебя, случайно, нет с собой косметики? – как можно небрежнее спросила она у Флер.

– Всегда при мне, – подмигнув, ответила Флер и достала из-под стола администратора здоровенную косметичку.

Минни решила, что ей незачем прилагать какие-то особые усилия; ей хотелось выглядеть просто нормально. Она бы лишь слегка подкрасила ресницы, если бы намеревалась сегодня встретиться с кем-нибудь, кроме коллег по работе. И к тому же ей не хотелось, чтобы Лейла заметила, что она красится. Лейла сразу бы увидела в этом нечто особенное. К несчастью, вся эта суeta с поиском машины и косметикой отвлекла Минни, и еще один противень пирогов вышел из духовки с изъяном. Пироги перепеклись.

– Ну вот, опять! – победоносно воскликнула Беверли.

– Все в порядке, мне такие нравятся, – заявила Минни, хотя и знала, что эта партия не прошла бы ее обычный строгий контроль.

Алан уже ставил контейнеры с пирогами на тележку на колесах, поскольку Квинн должен был вот-вот приехать. Сегодня им было не до излишней взыскательности.

Лейла вышла из кладовой с новыми плоскими коробками и алюминиевыми контейнерами.

– Посмотрите только на все эти упаковки, – вздохнула Беверли. – Как вы думаете, что из этого годится для повторного использования?

– Бев, дай передохнуть! Мы кормим пожилых одиноких людей, никто не ждет от нас, что мы заодно будем спасать планету! – откликнулась Лейла, сгружая все на центральный стальной стол.

– Вы ведь знаете мою внучку Бетти, ей четыре. На прошлой неделе она сказала: «Бабуля, а что ты делаешь, чтобы спасти планету от внезапного потепления?»

Минни и Лейла рассмеялись.

– А я ничего не смогла ей ответить, разве это не ужасно? – Беверли прикусила нижнюю губу, старательно перенося пироги со стойки, где они остывали, в коробки.

– Бев, думаю, тебе хватает проблем с твоей забывчивостью. На твоём месте я бы не беспокоилась еще и о глобальном потеплении, – сказала Лейла.

– Она стала экологической активисткой, это теперь в моде, все знаменитости об этом говорят, – заметила Флер, заглядывая в кухню из приемной. – Одна моя подруга так этим озаботилась, что с месяц не принимала душ и ничего не покупала, жила в темноте, без телевизора... Ну... то есть она включала основные каналы, но никаких там Netflix или Amazon. А потом изобрела новую биоразлагаемую упаковку, то ли из водорослей, то ли из грибов – в общем, из какой-то ерунды, и теперь она вроде как миллионерша, и у нее свой реактивный самолет, но он работает на химически чистом горючем, так что у нее все в порядке.

– Это не та самая подруга, которая изобрела нарукавники? – слегка язвительно поинтересовалась Минни.

– Нет, – подчеркнуто возразила Флер. – Минни, нарукавники были изобретены сто лет назад. – Флер фыркнула и вернулась за стойку администратора.

– Мне не уследить за всеми ее знаменитыми друзьями-режиссерами и кинозвездами, – прошептала Минни, и Лейла хихикнула.

– Приехал! – мелодичным голосом возвестила из приемной Флер.

Минни сунула Беверли коробку, которую держала в руках, сняла измазанный фартук и сетку для волос и поспешила из кухни. Стоя в их маленькой приемной, Квинн показался ей даже выше ростом, чем она запомнила. Он был в джинсах и мягком бежевом джемпере, на плече висела синяя куртка «Барбур». Он оглядывал комнату с видом короля, изучающего новую, только что завоеванную землю. Минни заметила, что Флер отчаянно пытается поймать его взгляд, и постаралась не смотреть в ее сторону.

– Привет, – произнесла Минни.

– Привет, – с мягкой усмешкой ответил Квинн.

– Тебе действительно незачем было это делать. Я вовсе не ожидаю от людей, которых едва знаю, чтобы они мгновенно одалживали мне машины просто потому, что я случайно набрала их номер, – сказала Минни, поправляя волосы, прижавшиеся под сеткой к голове.

– Но было ли это случайностью? – спросил Квинн, слегка наклоняясь вперед и приподнимая одну бровь.

Минни разинула рот, чтобы ответить, но не нашла слов.

– Я шучу. Кроме того, я все равно ничем не был занят, – нарушил молчание Квинн. – И моя машина тоже.

Флер хихикнула, и это была глупое девчачье хихиканье. Квинн снисходительно улыбнулся ей, его глаза одобрительно сверкнули. Что ж, вполне предсказуемо. Она, скорее всего, в его вкусе.

– Это Флер, кстати.

Минни махнула рукой в сторону Флер. Та уселась на стойку администратора и стала по-детски болтать перед собой ногами.

– Квинн, вы когда-нибудь изучали свою ауру? Знаете, вокруг вас ощущается по-настоящему сильная энергия, – заявила Флер.

– Нет, не изучал.

– Может, мне стоит пойти посмотреть, где ты припарковал машину? – спросила Минни, прежде чем Флер успела охмурить Квинна своими шарлатанскими фантазиями.

– Ну и как ты провела остаток дня рождения? – поинтересовался Квинн, когда они вышли на улицу.

– О... э-э-э... отлично, – заявила Минни, напряженно улыбаясь.

Он смотрел на нее с холодным весельем, словно откуда-то знал, каким жалким и унылым был ее вчерашний день. Минни была совершенно уверена, что уж сам-то Квинн Хэмилтон вряд ли провел день рождения, проглотив снотворное и пытаясь все забыть. Он, скорее всего, занимался любовью с Люси Донохью на какой-нибудь яхте или отправился в спа-салон, где тебе подают пушистый халат и скраб для тела, а потом накрывают легкую закуску на театрально обставленной веранде.

– А ты?

– Да я в итоге чуть не весь день проспал. Вторник был уж очень тяжелым, да и ночь тоже, – сказал Квинн и как-то странно, словно заговорщик, покосился на Минни.

Она слегка откашлялась и сглотнула. Он что, дразнит ее? Или он телепат?

Когда они повернули за угол, Минни увидела огромный черный «бентли», занявший основную часть проулка за их зданием. Машина дважды пронзительно пискнула, когда Квинн нажал кнопку на брелоке.

– Так это и есть твое авто? Да ты шутишь! Я не могу такое водить!

– Почему бы и нет? – Квинн бросил ей ключи.

Минни поймала их одной рукой, внутренне оценив свой жест на «отлично».

– Да она же размером с танк! Очень дорогой танк.

Кто вообще водит «бентли», да еще в этой части Лондона? Минни стояла, таращась на автомобиль, не зная, что делать или что сказать.

– Он застрахован на случай любого водителя за рулем. А я заеду завтра и заберу его. – Квинн коротко отсалютовал, потом повернулся и пошел прочь.

– Эй, погоди, ты же не всерьез?! – воскликнула Минни, и ее голос сорвался от страха. – Я действительно не могу водить такое! Я не так уж много езжу по Лондону, да и то в «мини» Грега.

– Твой друг водит «мини»? – Квинн повернулся к ней, его глаза сияли весельем.

– Вот только не надо шуток насчет «Мини Купер»! – бросила Минни, прищурившись.

Квинн сделал большой шаг в ее сторону. Минни напряглась, его уверенность показалась немного пугающей, но он просто выхватил у нее из рук ключи, слегка задев пальцами ее ладонь:

– Тогда я сам поведу.

– Что?!

– Ты не хочешь садиться за руль, а у меня никаких планов на сегодня, вот я и отвезу тебя туда, куда нужно.

Минни попыталась придумать, что тут можно возразить, но в голову ничего путного не пришло. К тому же других возможностей доставить все заказы не было.

Вместе с ней Квинн вернулся в кухню, чтобы помочь собрать коробки с пирогами. Лейла и Бев еще не закончили их упаковывать, и Квинн, бодро засучив рукава, тоже стал укладывать пироги и наклеивать этикетки.

– Пахнет восхитительно, – заявил он, медленно вдыхая запах, исходивший от одной из коробок в его руках. – Что там такое?

– Пирог с мясом, тушенным в пиве «Гиннесс», – сообщила Лейла, подавая ему наклейку. – А здесь с курицей и овощами. Эти два – наши самые популярные.

– Мне казалось, мы их называем «Стейк Джилленхол» и «Чик Джаггер», – напомнила ей Минни.

– Нет, – качнула головой Лейла. – Никому из наших постоянных заказчиков эти названия не нравятся.

Квинн засмеялся, поднося коробку к носу:

– Никогда не нюхал ничего более аппетитного.

– Не вытяните из них весь запах! – предостерегла его Лейла. – Это наши лучшие изделия!

– Они так хорошо пахнут из-за слоеного теста на сливочном масле, – пояснила Бев. – Секретный рецепт Минни.

– Никаких секретов, Бев, это просто сливочное масло, – рассмеялась Минни. – С ним все получается великолепно.

– Да, все, – подтвердила Флер, мягко поглаживая средним пальцем нижнюю губу.

Минни уставилась на нее. Лейла отодвинула Флер с дороги, взяв за плечи, а потом подтолкнула Минни и Квинна к двери:

– Ладно, вам, ребята, пора уходить. Уверена, вам есть о чем поговорить, ну знаете, о событиях первого января.

Они с Беверли тоже вышли к машине, чтобы помочь уложить последние коробки в багажник.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнула Бев. – Люди подумают, что они слишком много нам платят!

– Или что это по-настоящему классные пироги, – возразила Лейла, открывая перед Минни дверь с пассажирской стороны.

А захлопнув ее, она наклонилась и одними губами произнесла через стекло: «Двойняшки» – и пальцами изобразила сердечко.

Квинн ввел в навигатор первый адрес. Минни неловко сидела, подсунув под себя руки, стараясь не касаться роскошной кремовой кожи.

– И как это ты додумался до «бентли»? Вознаграждение за что-то? – Квинн расхохотался, и Минни почувствовала, что краснеет. – Извини, сама не знаю, зачем это сказала.

Минни осторожно посмотрела на Квинна, когда тот включил зажигание и отъехал от тротуара. Когда Квинн улыбался, у его глаз веером разбежались тонкие морщинки. А когда он не улыбался, часть этих морщинок упорно держалась на месте, словно зная, что вскоре они снова понадобятся, так что и смысла не было исчезать. И в его лице было нечто такое теплое и знакомое... хотя Минни и не могла бы объяснить, что это такое.

– Это все моя мать. Я бы сам не выбрал такую машину, но ей не нравится садиться за руль других марок, вот она и подарила мне такую же, – пояснил Квинн, немного наклонил голову набок и быстро почесал шею.

– А моя мама подарила мне на день рождения термометр для мяса, – сказала Минни.

– А отец вручил мне банковскую карту со словами: «Счастливого тридцать третьего дня рождения!» – добавил Квинн.

– Я бы не отказалась от машины и карты даже при ошибке в дате.

Минни слегка покачивалась, сидя на собственных ладонях; ее переполняла необъяснимая кипучая энергия, словно она выпила восемь чашек кофе.

– Ладно, а чем ты занимаешься, когда не изображаешь из себя шофера мисс Дэйзи, как в фильме? – спросила она.

– Миледи! – Квинн приподнял воображаемую фуражку. – Ничем настолько же интересным, как собственное пекарское дело.

– Ты уверен, что не торгуешь наркотиками? Машина на то намекает.

Квинн опять засмеялся:

– Слишком заметная для торговца наркотиками. Нет, я консультант по управлению.

– Сдается мне, что наркодилер именно так и сказал бы.

Минни осторожно подмигнула ему. Квинн расхохотался, и это был низкий хрипловатый смех из глубины горла. Такой смех вызывает неожиданное чувство близости. И от его звука у Минни возникло чувство, что она пьет горячее вино у костра, закутавшись в скандинавские меха. Не то чтобы с ней такое случалось, но она вообразила, как это должно быть приятно.

Первым их адресом был социальный центр для пожилых рядом с Лондонскими полями. Минни сказала, что справится сама, но Квинн захотел пойти с ней. Дверь им открыла миссис Ментис, одна из постоянных волонтеров центра. Это была милая леди в возрасте далеко за шестьдесят. Она носила бифокальные очки в фиолетовой оправе и мешковатый зеленый кардиган с огромными пуговицами в виде ежей.

– Привет, Минни! Давненько мы тебя не видели, – сказала она с мягким йоркширским акцентом. – Обычно к нам приезжает этот твой Алан. Надеюсь, он не заболел?

Миссис Ментис подняла голову, глядя на Квинна, потом сдвинула очки на кончик носа, чтобы рассмотреть его получше. Затем достала из кармана серый носовой платок и вытерла нос.

– Нет, он в порядке, – ответила Минни. – Просто у нас проблемы с фургоном. А это Квинн, он мне сегодня помогает.

Минни кивнула в сторону Квинна и изображала лицом нечто вроде: «Эти пироги такие тяжелые, можно нам сразу отнести их в кухню?»

Миссис Ментис поняла намек, отступила в сторону и махнула рукой:

– Налево, Квинн.

Минни с Квинном прошли мимо нее, а миссис Ментис заковыляла следом за ними. Она страдала от бурсита большого пальца стопы, и Минни слышала об этом уже не первый год. Миссис Ментис называла свои бурситные шишки Билли и Бу и разговаривала с ними так, словно они были ее внуками.

– Как ваши ноги, миссис Ментис? – спросила Минни.

– Ох, Минни, Билли еще ничего, но Бу никак не успокоится... Ей не нравится такая погода.

Кухня была небольшой, окрашенной в бежевый цвет. В ней пахло моющими средствами и мармеладом. На бежевом пластиковом столе стояли несколько чашек с недопитым кофе и доска с неоконченной партией в шашки.

– У нас все любят день пирогов, – сообщила миссис Ментис, открывая один из контейнеров и заглядывая в него. – Надеюсь, вы привезли пирог с мясом, тушенным в пиве «Гиннесс»?

– Как всегда, – кивнула Минни. – Вам кто-нибудь поможет их разогреть? Они утренние, но им не помешают тридцать минут в духовке.

– Да, всем нравится помогать в день пирогов, – сказала миссис Ментис, облизываясь, потом снова сосредоточилась на Квинне, который ставил коробки в холодильник. – Ох, он вам неплохо помогает, а? Это что, тот самый ваш друг, о котором как-то упоминал Алан? – Миссис Ментис помахала пальцем в сторону Квинна.

– Боюсь, нет, я просто шофер, – пояснил Квинн.

– Надеюсь, вы не вместо Алана? – нахмурилась миссис Ментис. – Наши леди наверху были бы очень огорчены. Им нравится выпить чашечку чая с Аланом, да... Не то чтобы им не понравится этот Квинт, нет, просто он, наверное, слишком молод.

– Не списывайте меня со счетов так быстро, миссис Ментис, вы не видели, как я играю в бридж, – сказал Квинн.

Миссис Ментис хрипло рассмеялась:

– Понимаю, почему он в вашем вкусе, дорогая... Приятно подержать в руках такой прибор, правда?

Минни вытаращила глаза; миссис Ментис нередко употребляла слова в неправильном смысле. И Минни не знала, какой смысл она вкладывает в слово «прибор».

– Нет, миссис Ментис, он не в моем вкусе. Квинн просто друг, и он сегодня мне помогает.

Квинн губами изобразил вопрос: «Не в твоём вкусе?» – насмешливую обиду и сосредоточенно сдвинул темные брови. Минни не удержалась от улыбки.

– Значит, вы не тот забавный журналист? – уточнила миссис Ментис, на пальцах пересчитывая пироги.

Минни начинала понимать, почему Алан тратит так много времени на доставку.

– То Грег, и он *всегда* ужасно забавный. – Квинн с видом заговорщика наклонился к миссис Ментис. – Но у меня прибор гораздо увесистее.

Минни невольно пискнула и прижала ладонь ко рту, делая вид, что пытается сдержать чихание.

– Ох, будьте здоровы, милая, – сказала миссис Ментис и снова повернулась к Квинну. – Я раньше была такой же гибкой и худощавой, как Минни. Умела в свое время очаровывать, да.

– Ничуть в этом не сомневаюсь, миссис Ментис, – кивнул Квинн.

– А теперь, Квинт, раз уж вы здесь, вас не затруднит посмотреть на вентиляционную вытяжку в общей комнате? Она без конца грохочет в ветреные вечера, а нам до нее не дотянуться. Но человеку вашего роста это труда не составит.

Следующая дюжина адресов точно так же поглощала время. Квинн поправил антенну в квартире миссис Маккензи, вызвался помочь миссис Терри подержать моток шерсти «такими большими симпатичными руками», потом сумел надеть ошейник от блох на одну из кошек мистера Марчбэнкса, предварительно исправив застёжку.

Квинн был услужлив и обаятелен со всеми заказчиками, и Минни чувствовала, что смягчается, – он просто не мог не нравиться. Но в глубине ее души все равно затаилось некое недоверие, нечто вроде павловского безусловного рефлекса, который проявлялся при имени Квинн Хэмилтон и мысли о том, что он собой представляет. Когда Минни видела, как он добр

и забавен с заказчиками, ее неприязнь могла отчасти растаять. Но потом они возвращались в «бентли» – и она вспоминала: легко быть милым, когда у тебя такая жизнь.

– Ты умеешь обращаться с пожилыми, – сказала она, глядя на Квинна через капот машины, когда они стояли перед домом мистера Марчбэнкса.

– Но я определенно не умею обращаться с кошками, – уточнил Квинн, показывая ей испарпанную руку.

Минни со смехом открыла пассажирскую дверь:

– Да будет тебе хныкать, неужели эта киска так уж сильно поцарапала тебя своими крошечными коготками?

– Я что-то не заметил, чтобы ты сама вызвалась ею заняться. – Он поморщился.

– Видел бы ты свое лицо, когда он сказал, что ты поймал не ту кошку, – фыркнула Минни.

– Да этот человек сам не знает, где какая кошка, – возразил Квинн, покачивая головой. –

Я мог надеть ошейник на соседскую собаку, а он бы и не заметил.

– Если он плохо видит, Квинн, это не значит, что он не знает своих кошек. Он говорит, что все они по-разному пахнут, – строго заявила Минни.

– В его квартире определенно достаточно заметный запах.

– Не придирайся, у него трудная жизнь.

Квинн помолчал, веселое выражение исчезло с его лица.

– Я знаю. Минни, это просто удивительно, что ты делаешь для всех этих людей!

– О да, выпечка для пенсионеров... достойна Нобелевской премии!

Минни села в машину. Квинн тоже сел на свое место, но его лицо оставалось серьезным, когда он смотрел вперед через ветровое стекло.

– Ты действительно нечто вроде спасательного круга для этих людей. Это ведь не просто доставка еды, это... – Квинн замолчал и снова уставился вперед. – Люди в таком возрасте нуждаются в общении, им нужно, чтобы кто-нибудь к ним заглядывал, просто убедиться, что у них все в порядке.

Минни заметила, как на щеке Квинна запульсировала крошечная мышца. Он посмотрел на Минни и напряженно улыбнулся:

– Конечно, мне незачем тебе это говорить, но твое дело великолепно.

– Не так уж великолепно, – вздохнула Минни. – Во всяком случае, в финансовом смысле.

– Ну тогда тебе следует требовать плату за надевание кошачьих ошейников, – сказал Квинн, снова показывая царапины на своей руке.

– Ага, следует их поцеловать, чтобы не болели!

Такого рода сарказм был в ходу, когда Минни общалась с Иэном или своим братом, но Квинн ответил на ее слова пристальным взглядом. И между ними словно кто-то возвел стену. Минни не сразу заметила, что сдерживает дыхание. Квинн отвернулся, напряжение ослабло.

– Пожалуй, поцелуй оставим на следующий раз.

Минни понимала, что он шутит, но от этих слов у нее что-то затрепетало внутри.казалось, в ее животе появилось гнездо с совытами, и они одновременно проснулись и захлопали крылышками, требуя еды. Минни стиснула зубы, разозлившись на собственную предсказуемость, на то, что вела себя подобно Флер, когда подобные Квинну произносят нечто смутно похожее на флирт.

– Ха-ха! – выдохнула она, качая головой из стороны в сторону, стараясь справиться с бурей внутри. – Ладно, шофер, хватит болтовни, у нас еще много стариков, которых нужно накормить, – сказала она.

Когда они закончили доставку, было уже пять часов. Квинн затормозил на автобусной остановке, потому что другого места не нашлось. Минни взяла с заднего сиденья последнюю коробку и протянула ему:

– А это тебе. Конечно, вряд ли это достаточная плата за целый день работы, но с учетом того, что ты стащил мое имя и с ним всю мою жизненную удачу, я бы сказала, что мы почти квиты.

Ей следовало выйти из машины, чтобы Квинн мог уехать до того, как появится автобус, но она не шелохнулась. Она просто сидела и смотрела на него, и ее губы сами собой растягивались в улыбке. И улыбка отразилась на его лице, как в зеркале, а потом он потер ладонью рот и уставился на свои колени.

– Послушай... – начал Квинн, и слово надолго повисло в воздухе. – Если у тебя есть время, то, может быть... – Он посмотрел на свои руки, скрестил пальцы, потом сжал кулаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.